

В.Г. Введенская

«Из столетия в столетье с незапамятных времен»

Легенды и были Богородицка.

ТУЛА

2017 год

Варвара Введенская

«Из столетия в столетье с незапамятных времен»

Легенды и были Богородицка

**Посвящается 240-летнему юбилею присвоения Богородицку статуса
города.**

Стихи и проза.

Тула

2017 год.

Богородицк. Начало...

В 1662 году случился в столице «медный бунт». Восстание было подавлено. Окончательный выход из сложившейся ситуации (страшная дороговизна хлеба) был найден в создании «государева пашенного завода» под непосредственным руководством царя-батюшки Алексея Михайловича на целинных землях «дикого поля», то есть в наших местах. Для руководства обширным царским хозяйством был выбран приказ Тайных дел, осуществлявший верховный и политический обзор в стране при активном участии самого царя.

25 февраля 1663 года царь Алексей Михайлович в приказе Тайных дел указал выслать для «осторожного дела» пятьдесят стрельцов и казаков «с лошадьми и с топоры» из Крапивны, двадцать человек - из Епифани и двадцать человек - из Дедилова. С этого момента и начинается история нашего славного Богородицка.

Новый город, закрывший окончательный доступ для татарских отрядов в северо-восточную часть «дикого поля», Богородицк закладывался уже не только как оборонный пункт, а прежде всего, как хозяйственный центр или, как тогда говорили, «пашенный завод».

Город и крепость расположили на высоком холме в междуречье рек Вязовки и Лесной Уперты. Природа как-бы сама подготовила такое естественное место, потому что высокий берег – это дополнительное оборонительное сооружение.

Деревянный острог был обнесен земляным валом с пушками, окружностью до 275 сажений, то есть до 600 метров. Крепость помимо стен имела две проезжие и четыре наугольные башни. От одной из них к реке шел потайной подземный ход. Внутри в разное время построили две церкви, съезжую избу, житницу, скотный и конюшенный дворы. За 1663 год строятся «хоромные строения и мельница» для новоселов.

Вскоре у стен острога возникли Пушкарская (теперь это центральная часть улицы Коммунаров) и Стрелецкая слобода (сейчас улица Спортивная), по которой проходил Воронежский тракт.

Первоначально город – крепость не имел своего названия. После окончания строительства и освящения в 1664 соборной церкви во имя иконы Казанской Божией Матери, городу дали название Богородицк, кстати, единственное в России.

А в 1777 году Богородицк обрел статус города и через год получил свой герб, на котором изображены девять веточек травы богородской (чебреца). По легенде, именно от обилия этой травы в наших местах, новый населенный пункт и получил свое название.

Из статьи сотрудников Богородицкого дворца – музея О. Петровой и Ж. Санкиной «Богородицкие вести», 28 марта 2013 года.

Но мы верим не легенде, а правде, что Богородицку дано церковное название. А легендам пусть верят те, кто любит сказки и принимает их за быль.

В.Г. Введенская.

ЧАСТЬ 1

Едет к нам Екатерина

(легенды и были)

Мой Богородицк

Хочется всем побывать за границей,
Летом на юге у моря пожить,
Съездить в театры, музеи столицы.
Я же не против и здесь побродить.

Графский дворец раскрывает свой веер,
Дружно лучами пять улиц идут.
Парком прогулку продолжу на север,
На Оборонной закончу маршрут.

Пусть изменился старинный мой город,
В небо глядят там и тут этажи,
Всюду коттеджи красуются гордо,
Тесно рядами стоят гаражи,

Только история новым не скрыта,
Город, как прежде, богат стариной,
Он не утратил свою самобытность,
Мой Богородицк, любимый, родной.

Крепость

Где было поле Дикое,
Татары прежде гикали,
Теперь приказ исполнили
Стрельцы и пушкари.
И рядом с тихой речкою,
Красивыми местечками
России мощь пополнили
И крепость возвели.

На вид шестиугольную
И с башней – колокольнею,
И с пушками, и с ядрами –
Все, как и должно быть,
И с храмом Богородицы,
Как на Руси и водится,
Чтоб с русскими обрядами
Им крепость освятить.

Солдатики все молоды,
Едва заметны бороды,
Но храбрые и сильные
Друг другу все под стать.
Взялись умело, слаженно,
И пушки вмиг заряжены,
Запасы все обильные –
Хоть сразу воевать.

Полны и бочки пороха.
Не видно только врага,
Вокруг лишь поле чистое...

Бегут за днями дни...
Ребятунки соскучились:
«Зачем мы только мучились,
Не сделав даже выстрела?» -
Ворчат теперь они.

Сошлись как-то вечером,
Всем делать было нечего.
Спросил тогда один из них:
«Как крепость наречем?
Я думаю, Кольчугою.»
Тут что-то крикнул: «Другою!»
«Нет, Храброю! Пусть каждый миг
Ей будет нипочем.»

Вступили в спор и прочие,
И спорили до ночи все.
И в ход разгоряченные
Пустили кулаки.
Друг друга все дубасили,
Но не пришли к согласию,
А только обозленные
Набили синяки.

Молчавший от волнения,
С достатком разумения
Сказал тут с огорчением:
«Ваш выбор слишком прост.
И мнения расходятся,
Не надо больше ссориться,
Во имя Богородицы
Пусть будет наш форпост.»

Такие вот известия...
Сказать хочу по чести я:
Немного здесь прибавлено,
Как был когда-то спор.
Да, крепость наша названа
(Так в летописи сказано)
По храму. Это явно нам.
Но спорят до сих пор.

Новый век

Как много в жизни прелести!

Настал и новый век.

Не нужно стало крепости,

И башен, и засек.

Святую Русь не трогает

Татарская орда.

Так изменилось многое

В надежде – навсегда.

Природа здесь богатая:

Холмы, речушка, лес.

И люди всяко братия,

Дружнее нет окрест.

Где мучались безделием

Стрельцы и пушкари,

Теперь за земледелием

Потеют до зари.

Все прочие – работники:

Возницы, бочары,

И шорники, и бортники,

Портные, гончары.

И каждый внук солдатушек

Себе построил дом.

Екатерина – матушка

Прослышала о том.

Позреть сие приехали

Она и граф Орлов.

Он блеском и доспехами

Был всех сразить готов.

Им люди низко кланялись

И речь старались внять.

Все матушке понравилось,

Что трудно передать.

Зело царице весело:

Так дивно здесь. Потом

Зашли однажды вечером

На третий холм вдвоем.

Пленясь здешним воздухом,

Присели отдохнуть.

И фаворит за отдыхом

Решился к ней прильнуть.

Всю ночь в уединении

В экстазе провели.

А в роще в исступлении

Им пели соловьи.

Чтоб ведала история
Счастливый тот момент:
Царица – мать изволила
Воздвигнуть монумент

Так, в знак «деяний доблестных»,
Прославить место чтоб,
Где жизнь зачалась Бобринских
Стоит кирпичный столб.

Что ж, пусть молва полощется,
Как в речке пескари:
Церериной ту рощицу
По – римски нарекли.

Церера – древнеримская богиня плодородия.

Бобринский

Правит всей страной царица.

Скоро должен сын родиться.

Вот уж близится и срок,

А придворным невдомек.

В Петербурге оставаться,

Значит в том грехе признаться.

И решилась, наконец:

«Помоги, Орлов – отец.»

Девять месяцев проходит,

День последний на исходе.

Но торопятся туда,

Где случилась их беда.

Не дошли и дол мосточка,

Через речку по ледочку

На бугор лишь поднялись.

Сразу схватки начались.

В роще тайное есть место:

Как раскинутое кресло,

Чудо – камень, великан,

Видно, ей судьбою дан.

Лишь успела лечь царица,
Сразу сын сумел родиться.
Граф обрадован до слез.
Но как быть: зима, мороз?!

Вмиг явилась вдруг бабенка
И укутала ребенка
В шубу с мехом из бобра,
Пожелав ему добра.

И царица очень рада,
Все прошло. Но только надо
В Петербург – дела зовут,
Малыша оставить тут.

Злата – серебра немало
Раздарив всем для начала,
Слуг надежных наняла
И кормилицу нашла.

И своею царской волей
Всем молчать велела боле,
И сказал Орлов – отец:
«Будет Бобринским малец.

А фамилию мы дали
Пусть по шубе. Но едва ли
Кто – то что – то и поймет.
Только пусть раскроет рот.

А сыночка берегите,
По часам его кормите,
Выносите погулять.
Здесь природа – благодать.»

Хоть царица и довольна,
Но и большего достойна.
Надо память сохранить,
Где случилось ей родить.

«Сей реликт – махина-камень,
Пусть лежит он здесь веками.»

Приказала, наконец,
Близко выстроить дворец.

«Сыну – царское богатство,
Вся усадьба эта – графство.
Парк разбить вокруг дворца
Прям отселе до крыльца.

И найти среди народов
Лучших зодчих, садоводов.

А понеже легче жить,
Рядом город заложить.»

Все решив, Екатерина,
Приласкав немного сына,
Укатила в Петергоф,
Вместе с нею граф Орлов.

Река Уперта

Спокойна и плавна река Уперта,
Повсюду просторы и Дикое поле.
Свободна, плотиною не заперта;
Досталась счастливая реченьке доля.

А годы текли, и за веком шел век.
И было все так, как тогда, изначально.
Но вот к Уперте подошел человек,
Наметил устроить здесь пруд и купальню.

Плотину воздвигнуть на речке решил
И путь скоротать от дворца прямо к дому.
Считал, что задумки его хороши –
Зело недалече пруду быть Большому.

Со всех деревень пособрали людей.
Те, кто победней, захватили корыта;
А кто побогаче, пригнал лошадей,
И сохами быстро земля стала взрыта.

Ту рыхлую землю на берег снесли:
Кто ведра таскал, кто корыто, корзину,
И много еще на телегах свезли....
Дабы человек начал строить плотину.

Он сваи забил, перекрыл водосток.
И шире, и глубже стал пруд возле парка.
А берег прекрасен: обрывист, высок,
Здесь в летние дни очень солнечно, жарко.

Купаться в пруду, а потом загорать,
Лежать на песке, сняв былую усталость,
И в пруд окунуться с разбегу опять,
И плавать, нырять... Разве это не радость?

Река взбунтовалась: «Мне воля нужна,
Бежать потихоньку все дальше в покое,
Журчать родниками повсюду со дна
И слиться с большой и широкой рекою.»

И новые силы она собрала,
К запруде воды накопила сначала.
И ночью плотину она сорвала,
И дальше в восторге она побежала.

А утром сюда человек подошел,
Поставил барьер и плотней, и сильнее.
И думал, что сделал теперь хорошо,
Ведь речка слаба, обуздать он сумеет.

Но нет! Только вольному воля нужна!
Речушка теперь с этим справилась быстро:
Преграду в куски разметала она.
А звезды с небес посылали ей искры.

Приехал ученый, большой инженер,
К реке подошел, осмотрел терпеливо,
И точно, и ловко свой сделал замер,
Поставил платину другую, со сливом.

Но речка ее обошла стороной,
Размыв правый берег, сменив даже русло,
Лишь влажно, где был водный сток основной,
На это смотреть очень больно и грустно.

Откуда у речки энергия, прыть?
Считали ее даже слабенькой очень.
Река не давала себя перекрыть.
А лето к концу. Приближается осень.

Еще много раз инженер прилагал
Умение свое, чтобы сделать запруду.
Потом он решительно графу сказал:
«Нет, хватит с меня! Больше строить не буду!

Я старый уже, и мой опыт большой,
Но в жизни впервые вот это случилось.
Решаюсь, ну что ж; видно время пришло:
Придется реке поклониться на милость.

Река Уперта! Как тебя усмирить?
Бери нашу жертву себе ежегодно.
Прости, и позволь водосток преградить....
Виновны не мы – это графу угодно.»

И вмиг покорилась река Уперта.
А только покорность чего эта стоит!
Хоть стала плотиной она заперта,
Но вот ежегодно в ней кто-нибудь тонет.

Была река – Лесной Уперт.
Но налилась когда водою,
Назвали пруд Большой – Уперт,
А речка стала Упертою.

Немного, но было

Это сказание про нашу реку моя бабушка, Рожкова Мария Дмитриевна, слышала от самих Бобринских. Она 63 года следила за этим, проверяла и записывала, кто и как утонул. И уверяла, что в нашей речке (точнее а пруду) действительно каждый год кто-то тонул.

Но однажды, когда я была уже старшекласницей, тоже интересовалась и записывала Богородицкие легенды (у меня их было больше, чем сейчас, но, к сожалению, записи не сохранились) бабушка сказала в конце декабря, что год обошелся без утопленников.

Однако 31-го декабря утром на пруду утром был обнаружен труп. Мужчина лежал на заснеженном льду, а голова опущена в прорубь. Анализ показал, что человек хватил значительную дозу алкоголя. И то ли он решил напиться и потерял сознание, то ли ему кто-то «помог». Милиция разбираться не стала, а следы замел выпавший ночью снег.

Наша бабушка умерла в 1964 году. После нее этим никто не занимался.

Начало положено

В Богородицк приехал Болотов
Управляющим к графу в наем,
Увлеченный новейшей заботой.
Вся усадьба держалась на нем.

Он решил сделать парк необычный,
Что в Европе таких даже нет.
Регулярный? Ну нет, не типичный –
Он пейзажный! Вот в чем весь секрет.

И зашел раз в Церерину рощу.
Так понравился этот лесок!
Но в сравнение с другими - попроще,
А от парков и вовсе далек.

И энергией крепко охвачен
(Пусть считали: Болотов – чудаки!)
В то же лето решил он задачу,
Превратив эту рощицу в парк.

Он работников четко расставил,
Объяснил и задания дал...
Без учета всех принятых правил
Сделал вход, как у зданий портал.

Часть деревьев под корень спилили,
И разрешили тем глухомань.
В жизнь о парке мечты воплотили,
Принесли Богородицку в дань.

С мягкой травкой средь леса лужайки...
Словно ворсом, покрылись они.
Хорошо полежать на полянке...
А скульптурами сделались пни.

Разветвленные всюду тропинки,
И дерновых диванчиков ряд.
Цветники, как живые картинки,
Об искусстве творца говорят.

Вот ротонды, сквозные беседки;
Камни формой особенной тут,
И кофейного цвета нередки,
Небольшой, но загадочный пруд.

На пруду островки с деревцами,
К ним подходы – сплошной лабиринт.
Их пройдя, рады будете сами –
Здесь чудесный откроется вид.

Привлечет все внимание ваше
И навеки запомнится вам
Сей ансамбль, где дворец рядом с башней
И красивый усадебный храм.

То бишь замок чудесный старинный.

А с другой стороны как-то вдруг

Расписная стена магазина

Гармонирует с видом вокруг.

На земле Богородицкой, Тульской,

И в Церериной роще, вот так

Необычный, пейзажный по-русски

Дал начало другим этот парк.

Чудо здешних мест

Богородицком будем гордиться, -
Так решила когда-то царица.
И без всяких поклонов и слов
Прибыл к нам архитектор Старов.

Был известен стране этот зодчий,
Самым лучшим считался средь прочих.
Строить графский дворец потому
И доверили только ему.

И дворец всем на гордость построен,
Величав, и наряден, и строен,
Двери, окна высоки. Притом
Он стоит на холме над прудом.

Белый мрамор – такие порожки,
И ковры на полу, и дорожки.
Зал овальный, и окон в нем пять,
Можно улиц лучи наблюдать.

Вверх ведут винтовые ступеньки,
Что шикарным считалось давненько.
Поднимайся, и вот бельведер,
Он на русский построен манер.

От дворца чуть немного подальше
Видим звонницу храма на башне.
Вход дворцовый парадный под ней.
Проезжай хоть на тройке коней!

И дворец, и два флигеля рядом,
С колокольной и каменным храмом –
Сей ансамбль с лучшим парком окрест
Признан был чудом всех здешних мест.

Пейзажный парк

Болотов решил парк устроить иной,
Чем Питерский в Царском Селе.
Природный пейзаж здесь прелестнейший свой,
Богатства сокрыты в земле.

Пласты синей глины в местах залегли,
Различных оттенков пески.
И парку ландшафт изменить помогли
С хрустальной водой родники.

Придал роднику ход иной наш творец.
Так вот – Нижний пруд и готов!
Другой ключ тек дальше и дал, где дворец,
Каскаду зеркальных прудов.

И тысячи разных деревьев с листвою
Сюда даже летом свезли.
Аллеи, лесочки, пейзаж расписной
Составили в парке они.

И много еще небывалых идей
Мы встретим, идя от дворца,
Доселе невиданных разных затей
В твореньях больших мудреца.

Пройдемся по парку, окинем свой взор...

Здесь все необычно вокруг:

Лужайки, цветов уникальный узор...

Что шаг – то и новое вдруг:

Мосточки, прудочки, еще островки.

Пещера. Над ней водопад.

Журчат, навивая покой, ручейки.

А дальше – уступов каскад.

Идем по извилистой тропке в лесок.

Площадка и холмик над ней.

Еще пирамидка. Карниз невысок.

Надгробье? Отсюда скорей!

И тут понимаем, что это обман.

Ну, что ж! Пошутили слегка.

Беседка с ротондой открылись вдруг нам,

И с куполом под облака.

Пещера. В нее мы вошли не спеша.

К нам люди навстречу идут;

Приветствуем их, - отогрелась душа.

И смех вдруг слышался тут.

Не сразу и поняли, что зеркала...

Себя мы увидели в них,

С собой поздоровались, глупо и зря,

Забавный всем создали миг.

Чудес разных много смогли повидать.

Вот «эха жилище». А вот
«Улитка» с секретом. Аллеи опять,
Песчаный таинственный грот.

Но жаль, что лишь в памяти парк наш такой...

Рисунки и записи есть...
Да, предки гордились его красотой...
Что видим сегодня мы здесь?

Частичка его. А где был весь уют,
Холмы, и лужайки, и лес,
Теперь стадион и Щадиловский пруд,
И кладбище, «Поле чудес»

Лучезарный город

Время идет... Подрастает

Графский сынок Алексей.

И добротой удивляет:

Златом людей наделяет

Бедных в провинции сей.

Близок дворец к завершенью.

(Видим строителей прыть)

Но по царицы решенью

И по ее повеленью

Рядом с ним городу быть.

Часть деревень, что поближе,

Переместили за пруд,

Ставили к речке, где ниже.

Много домишек таких же

Выстроить думали тут.

Но делать город квадратом –

Графу нельзя угодить:

Будет совсем простовато.

Вот и решили когда-то

Все же царицу спросить.

Скачут посланники в Питер.

Но посчастливится ль им?

-Матушка, каждый строитель

Просит, вы только скажите,

Город построить каким?

Екатерина вздохнула

(Граф – это вам не барон!)

Веером молча махнула,

Встала спокойно со стула

И пересела на трон.

Снова послам непонятно:

- Якож его нам создать?

Веером? – это занятно.

Только скажите нам внятно,

Сколько лучей: семь аль пять?

Но не сказала ни слова,

Молча раскрыла ладонь.

- Понял! Дворец суть основа,

Город мы выстроим снова,

Будет, как солнышко он.

Умно придумано очень:

В зале и окон-то пять.

Взгляд у царицы ведь точен

«Сказано», хоть между прочим,-

Городу веером стать.

Из первого окна видна улица Константиновская (Макаренко),

Из второго – Мариинская (Володарского),

Из третьего – Екатерининская (Ленина),

Из четвертого – Павловская (Урицкого),

Из пятого – Александровская (Луначарского).

Город с дворцом очень связан:

Окон в нем пять – пять лучей...

Миф сей народом рассказан:

Город царице обязан

Всею планировкой своей.

Едет к нам Екатерина

Наша русская картина...

Блеск церковных куполов...

Едет к нам Екатерина,

С нею рядом граф Орлов.

В золотой спешат карете

Новый город посмотреть.

Вот проехали две трети,

И пути осталась треть.

Правит тройкою детина,

Парень – то, что «будь здоров!»

Едет к нам Екатерина,

С ней в карете граф Орлов.

Деревеньки и покосы,

Пестрый ситец на лугу.

Плавно крутятся колеса,

Льется солнце на дугу.

За каретой скачут дети,

Разбежались от отцов.

К нам царица в гости едет,

Вместе с нею граф Орлов.

Двадцать верст еще осталось,

Но спустилась быстро ночь.

Лошадей видна усталость,

Отдохнуть они не прочь.

На пути лежит лощина.
Верстовых здесь нет столбов.
Но спешит Екатерина,
И торопит граф Орлов

Сбились к полночи с дороги.
Нет луны, темно и грязь.
Кони рвут устало ноги,
А грязища – не пролазь!

А потом – совсем трясина.
Нет у сил у рысаков.
Мечет гнев Екатерина,
Не молчит и граф Орлов.

Кучер вертится на козлах.
Что же делать? – невдомек,
Одному, конечно, сложно...
Вдруг увидел огонек.

«Здесь в карете, на перине,
Почивайте, сладких снов».
Молвил он Екатерине.
«Дожидайте, граф Орлов».

Но крестьяне отказали,
И сослались не на ночь:
«Если царские устали,
Нам их вытащить невмочь.
И вокруг сплошная глина
И болотистый покров.
Пусть простит Екатерина
И фельдцейхмейстер Орлов.

Как узнал наш Богородицк,
Я сказать вам не берусь:
Доброта у нас в народе –
Коренная это Русь.

И собрали без кручины
Лошадей со всех дворов.
Помогли Екатерине.
Был доволен граф Орлов.

Город весь, как на ладони:
Божьи храмы, парк и пруд,
Веер улиц, будто тонет –
Так деревьев много тут.
Богородицк ждал царицу –
Перезвон колоколов.
На дворец она дивится,
В восхищенье граф Орлов.

Вышел Бобринский нарядный,
Рядом с ним и мальчик – паж.
Ко дворцу, где вход парадный,
Подъезжает экипаж.

А встречают важно, чинно
И Болотов, и Старов.
И ведет Екатерину
Фаворит ее Орлов.

Из столетия в столетье,
Испокон былых веков
К нам царица в город едет,
Навестить усадьбу едет,
С ней, конечно, граф Орлов.

Пусть похоже на былину,
Но понятно и без слов:
Город чтит Екатерину,
Не забыт и граф Орлов.

Царский указ

«Я скажу вам невзначай,-
Молвила царица,-
Який вкусный здешний чай,
Не могу напиться!

Что кладете в кипяток
Всем на удивленье?
Каждый выпитый глоток
Паче наслажденья.

Повар ваш зело хитрец:
Пуще всех заварка.»
«Он кладет траву чебрец –
В этом вся загадка».

«Якже дивен Божий дар!
Дуженно душисто!
А растет где сей завар?»
«Всюду в поле чистом.»

«Свой указ я издаю,
Истинно и строго,
Поелику признаю;
Пользы в оном много.

Пусть мальцы и старики
Сеют ноне летом.
Бысть брегам Уперт – Реки
Сплошь в растение этом.

И пошлите поскорей
В Петербург. Не скрою:
Буду пить там, ей-же-ей,
Чай с чебрец – травой.»

Статус города

Царице все у нас по нраву:
Въездная башня, парк, дворец,
И вся природа, наконец,
И город выстроен на славу.

Но люди, будто бы с повинной,
Пришли к ней, только расцвело:
«Скажи, царица Катерина
У нас здесь город, аль село?»

И, обведя прихожих взглядом,
Она промолвила: «Скажу.
Внимать теперича всем надо,
Сама указ свой оглашу.

Такое царское веленье
В указе вписано моем:
То, где застряли, поселенье
Мы Черной Грязью назовем.

Отныне быть ему деревней.
А то, что вееру под стать,
Где люди добрые издревле,
Мы будем городом считать.

Покамест он не обозначен,
Устав досель не получил.
А это в переписи значит,
Что оный городом не слыл.

Все ж ваш поселок величавый,
Как был когда – то царский сказ,
Давно все городом считают,
И это подлинно как раз.

И по моей, по царской воле,
Дворец сей графу возведен.
Знатнее графа нет здесь боле.
К нему ходите на поклон.»

Подземный ход

Когда устраивали парк,
Цветы, кустарники сажали,
Крутые склоны на холмах
В местах отдельных обнажали.
В пути встречали тайный ход,
Глубоко скрытый под землею.
Он в крепость старую ведет,
Связав с пушкарской слободою.
В другую сторону он шел,
Под Упертою зарываясь
И со Стрелецкой слободой
На берегу соединяясь.
Ступени в нескольких местах
Вглубь уходили в подземелье.
А дальше в двух иль в трех верстах
Шли ветви хода по строеньям.
А паче прочего, тот путь
Решили как реликт оставить,
К усадьбе графа протянуть,
И этим тоже парк прославить.
А город строили когда,
Подземный ход вели лучами
И грамотно лучи тогда
Все обложили кирпичами.
Для графа лично пять домов
Поставили первоначально.

К ним шли концы лучей – ходов,

Но возводилось это тайно.

К подвалам Пушкинской шли два,

Построенных по воле царской.

Но уцелел один едва,

Где старый дом на Луначарской.

Имя города

Просто чудное создание:

Словно веер, пять лучей.

Только нет пока названья,

Будто город наш ничей.

Так нельзя. Конечно нет.

И собрали тут совет:

Становой, купец, урядник,

Кто имел авторитет.

Иже с ними видных много,

Каждый высказать хотел.

Обсуждали очень строго –

Кто бледнел, а кто потел.

Лоб почесывал все дьяк,

Но не мог сказать никак:

Все начальники большие,

Он попроще и бедняк.

Вдруг он поднял кверху руки.

Наступила тишина.

Молвил дьяк: - Кричим от скуки,

Вами правит сатана.

Есть название, оно

Свыше нам уже дано.

А другого и не надо,

Здесь и так все решено.

Большинство с ним согласилось,

Усомнился лишь кулак:

- Только вот, скажи на милость,

Можно ли оставить так?

Надо нам послать гонца

Вплоть до царского крыльца,

Чтоб царица в Петербурге

Все решила до конца.

Лихо мчатся в Питер кони,

Резвы, бойки, удалы.

И никто их не догонит...

Едут к матушке послы.

Вот приходят во дворец

И урядник, и купец,

Чтоб от города депешу

Передать ей наконец.

Входит в залу и царица,

Величава и стройна,

Но взглянула – будто злится.

И промолвила она:

- Прекратите бить челом!

Все под Богом мы живем.

Крепость названа по храму,

Так и город назовем.

Я, когда ждала ребенка,
Божью Мать помочь звала.
Ваша добрая сторонка
Хорошо мне помогла.
И не надо больше слов.
Город выстроен. Готов.
Славный город Богородицк
Пусть стоит пятьсот веков.

Герб Богородицка

Раз предложили в Управе
Город гербом увенчать
И Богородицку к славе
Новую сделать печать.

С целью такой пригласили
Разных сословий людей,
Чтоб воплотить это в были,
Выслушав много идей.

Близилась ранняя осень –
Время уборки хлебов,
Но все работы отбросив,
Каждый прийти был готов:

Староста, пристав, урядник,
Тайный советник, купец,
Ключник, бурмистр, дьяк и стражник,
Мечник, ушкуйник, стрелец.

И, помолясь на икону,
Сели, кто где только смог,
Чтоб по чинам и закону
Справно исполнить свой долг.

Первым промолвил урядник:
«Надо придумать свой герб.
Мы собрались здесь на праздник,
Бросили косу и серп.

Слушаем все предложенья,
Что рисовать на гербе,
Вместе и примем решение
Только в угоду судьбе.»

Пристав сказал: «А едва ли
Надо хоть что-то менять,
Город по храму назвали,
Пусть будет Божия мать.»

«Нет!» - затряся бороденкой,
Разгорячился вдруг дьяк.

По столу стукнул легонько:

«Не допустимо никак!

В Церкви у нас по уставу
(Надо бы знать всем давно)
Образ святого по праву
Гербу давать не дано.»

«Но почему же вас спросим,

Разве не знаете вы:

Мученик Победоносец –

Символ великой Москвы?»

«Здесь обойдемся без оргий.

Думаю, ясно вполне:

Победоносец Георгий –

Рыцарь с копьем, на коне.

Нету над ним ореола,

Видим доспехи на нем.

Змея, как будто монгола

Он убивает копьем.»

Мечник, что ростом всех выше,
Встал: «Я отвечу тебе.
В городе Углич, я слышал,
Дмитрий святой на гербе.»

Вяло привстав, как спросонок,
Мысль поддержал и купец:
«Он в рубашонке, ребенок.
Где же там нимб, аль венец?»

«Есть города и другие,-
Вставил ушкуйник, - их два.
Тоже без нимбов святые,
Даже узнаешь едва.»

Тайный советник всех слушал:
Спорящих разве унять?
«Есть предложение лучше,
Слово мне дайте сказать.

Много растет в Диком поле
Травки с названьем чабрец.
Нет подходящее боле,
Пусть подтвердит и стрелец.

Бросим свои восклицанья.

Может, наука права;

Травке другое названиее

Есть: богородска – трава.

Вот я и думаю: что же
Стоит ли дальше гадать?
С городом слово похоже –
Герб нам с травой и создать.

Все не в восторге, не скрою,

Но ведь друго-го то нет.»

Так бедноватым, с травую,
Стал Богородицкий герб.

Чабрец

На лугах есть растение такое:
Богородская травка – чабрец.
И другие названия не скрою:
И тимьян, и чабор, и шиврец.

Листья бледные и мелковаты.
И чабрец среди лета цветет,
А цветочки слегка розоваты.
Он – растение средних широт.

Стебли длинные, их оставляют,
Очень тверды, настойки горчат.
А листочки, цветки собирают.
До чего чуден их аромат!

В чабреце есть эфирное масло,
В нем – полезные нам вещества,
А из них получают лекарства-
Так ценна богородска – трава.

Пьют настой при болезнях: бронхите,
И дыхательных верхних путей,
При плохом у больных аппетите,
От желудочных острых болей.

При болезнях кишечника, почек,
От различных бактерий, грибов.
Он лекарств изобильный источник,
Сохранять нам здоровье готов.

Опухают и ноют суставы –
Травку свежую ты приложи.
Не одни так не справятся травы –
Боль мгновенно пройдет. Будешь жив!

При фурункулах, всяких нарывах
Ты припарки из листьев сготовь,
Бинт мокай, перекладывай живо –
И здоровым окажешься вновь.

Да, лекарственных свойств очень много
В чабреце – богородской траве.
Потому и решили так строго
Честь воздать ей на нашем гербе.

С Богородицком схоже название,
Только букв не хватает здесь двух.
Но в славах равнозначно звучанье
Услаждают надежды и слух.

Все жильцы в нашем городе знают
От старух до любого мальчика:
Богородицкий герб украшают
Девять веток травы чабреца.

При новой власти

Вот вступил на порог век двадцатый...

Революция... Войны... Хоть вой.

Уничтожить сумели богатых,

Образованных выслать куда-то,

А неграмотных – править страной.

Власть другая, и новая мода:

Всем религия стала мешать.

Это ж опиум ведь для народа,

А народу нужна лишь свобода,

Чтоб повсюду была «благодать»

Как же можно? Вдруг в центре России

Городок есть с названьем таким –

Богородицк... Кого вы спросили?

Или власть так уж вовсе не в силе,

Заменить как-то словом другим?

И пришло из Москвы указанье:

Пусть начальство скорее решит

Городку дать другое названье,

Посему кой-кому в назиданье

Для начала поставить на вид.

Что ж, собрали совет депутатов,
Пригласили райфо и горком,
Трест прислал и своих делегатов,
Представителей всех комбинатов,
Не забыли почти не о ком.

Тишина абсолютная в зале.
Имя города нравится всем.
Разве лучше придумать? Едва ли...
Потому погрузились в печали,
Не решась согласиться ни с чем.

Встал тогда из Москвы представитель:
«Предлагаю собрание начать.
В Богородицке пусть каждый житель
Скажет, как же теперь вы хотите
Городок свой старинный назвать.

У меня есть свои предложенья:
Иль Свердловск будет он, иль Шахтерск.
Я хотел бы узнать ваши мнения,
Надо принять сегодня решение...
В крайнем случае можно Подгорск.»

Кто-то с места вдруг выкрикнул громко:
«Не подходит не тот не другой!»
«Почему? Все названия емки...
Пусть старинная ваша сторонка
Примет облик по-новому свой.»

Поддержали: партийный работник,
И один изо всех депутат,
Председатель колхоза, и плотник,
И поддаты с утра бывший дворник.
Отрицательным стал результат.
С ним москвич возвратился назад.

Назван по храму

И после войны неспокойно:
Все требуют город родной
Назвать современно, достойно –
Депеши одна за другой.

А нас, коренных, только горстка
Историю как защитить?
Но все же решили так просто –
Название его сохранить.

Свердловск сам собой отпадает –
Им стал город Магнитогорск,
И школьник любой это знает.
Есть где-то поселок Шахтерск.

А чтобы всем было по нраву,
Нашли вариант вот такой:
Хот город и назван по храму,
Увенчан гербом он с травой.

То имя родное подходит,
Его и должны мы сберечь.
Наш город как был Богородицк,
Пусть им остается и впредь.

Пришлось лишь кому-то вначале
Душой покривить так слегка:
Сказать, что в письме сообщали
Откуда – то издалека,

Что летопись найдена где-то,
А в ней говорится о том;
Герб создали в прежние Лета,
А город построен потом.

Но так как нам герб украшали
Душистою травкой чабрец,
По гербу и город назвали.
И этим положен конец.

Но правду мы знаем. И будем
Хранить Богородицка честь.
И нас Богородица любит.
Так было, так будет и есть!

Андрей Тимофеевич Болотов

По отцу он, быть может, Болотов.

Но в прошедшие те времена,
Занимаясь культурной работой,
Изменяли не раз имена.

Ударенье в фамилии снова,
Как хотели, писали себе:
Кто Ивановы, кто Ивановы
Были братья и сестры в семье.

Как (теперь все равно не известно)

В Дворяниново звали его:
Ужу Болотов, все-таки лестно...
Так ученого звали давно.

Но не только как парка создатель
Всем Андрей Тимофеич знаком.
Он известен еще как писатель,
И хозяйственник, и агроном.

Не одну сотню разных изданий,
Много тысяч страниц дорогих,
Философских, научных познаний,
И художественных, и иных

Нам оставил великий мыслитель.
Здесь и школу открыл, и театр.
Постановщик, художник, учитель –
Он талантами очень богат.

Все же Болотов был, не Болотов.
И весь мир так его величал.
В ударении этом есть что-то:
Может, суть и начало начал.

И в учебниках, и в интернете,
В словарях и теперь, и давно,
В разных книгах фамилия эта
С ударением на первое «о».

Только в голову влезла идея
Повернуть все «вверх дном» одному.
Вот проснулся б Андрей Тимофеич
И обиду сказал бы ему.

Я Болотовым в книге писала,
Допустила, конечно, изъян.
И уже замечаний немало
Получила от богородчан.

И правильно!

И снова подземный ход

Я узнала этим летом...
До отказа в полном зале
Выступали мы с концертом.
А потом мне рассказали...

Я читала для народа
Про подземный ход сказанья,
Что спокон веков у хода
Есть и быль, и есть приданья.

После нашего концерта
Подошла ко мне старушка.
Скромный вид интеллигента,
И реликтовая клюшка.

«Этот ход подземный знаю,
От дворца шел главный стержень
И в милиции, в подвале
Выход был оттуда прежде.

Брат в милиции работал
После немцев. И однажды
Намекнул: он видел что-то,
А потом признался дважды.

Правда то, не небылица,
Было все на самом деле:
Ход использовали фрицы
Для своих кровавых целей.

Там расстреливали пленных,
Жен, детишек коммунистов,
Мирных граждан и военных,
И больных солдат – фашистов.

Большинство в одном исподнем.
Кто они – осталось тайной.
Вспоминать мне это больно,
Скрылось все завесой дальней.»

Церерина роща теперь

Как-то летом, на Троицын день
Я с букетом отправился к теще.
Через город идти было лень –
Я поплелся к Церериной роще.

Так решил сократить этот путь
И природой в жару насладиться,
На траве посидеть, отдохнуть
И попить родниковой водицы.

Эту рощу я с детства любил,
Мы здесь сами сажали деревья.
Я мальчишкою, школьником был,
Жил в Упертовке рядом, в деревне.

Я иду и свищу соловьем,
И так весело бодро шагаю.
Вдруг мне в ноздри пахнуло дымком.
«Что-то здесь не того...» - замечаю.

М поспешно вскочил на бугор
И ругнулся для праздника крепко:
В центре рощи – огромный костер,
Пахнет жареным мясом так терпко.

И кругом разных много костров
Меж деревьев, искрясь, полыхало.
Чтоб на праздник поест шашлыков,
Порубили деревьев немало.

Невпопад всюду глотки дерут
(Уж, видать, хорошо подпитые),
И пакеты валяются тут,
И бутылки, и банки пустые.

Я в костер чей-то бросил цветы
И раздумал шагать дальше к теще.
Людам праздник, веселье, а ты...
Плачь, родная Церерина роща!

Две жемчужины

Где нива густо золотится
И небо блещет синевой,
Заложит город мой царица,
Как Петр когда-то над Невой.

Она сама расчертит планы.
И лучший зодчий, как венец
Средь парка, над водой туманной
Прекрасный выстроит дворец.

А рядом храм во славу Бога
Свой крест несет под облака.
И имя зодчего Старова
Запомнят люди на века.

Прошли уже с тех пор столетья,
Случались радость и беда.
И вот в последнем лихолетье
Мой город был сожжен дотла.

Все, что казалось нам нетленным,
Увы, погибло до конца.
И лишь обрушенные стены
Остались в память от дворца.

Но мы жемчужину России
(Так наш народ дворец назвал)
Для новой славы воскресили,
И город вновь из пепла встал!

А тот, что был Петра созданием
И дивно Пушкиным воспет,
Блокадное пройдя страдание,
Достоинно, гордо смотрит в свет.

И в нем в величии и славе
Царь Петр на вздыбленном коне –
Чудесный памятник поставлен
Как символ града на Неве.

А через многие годы
Мы дань истории даем.
И монумент Екатерины
Воздвигли в городе своем.

Малая родина

Богородицк

Не на каждой карте есть

Но ему все

воздают почет и честь.

Здесь жемчужина – Дворец,

Старый парк, тепло сердец,

Здесь и улиц пять лучей,

Колокольный звон церквей.

Богородицк,

Мой любимый и родной,

Город древний,

в то же время молодой.

Был в войну разрушен он,

Был и заново рожден,

Хоть трудна была пора,

Уголек шел на-гора.

Богородицк,

Он историей богат.

Каждый житель –

друг, товарищ всем и брат.

И у каждого крыльца

Здесь распахнуты сердца:

Рады мы всегда друзьям,

Удивлять их есть чем нам.

Богородицк,
Хоть и город невелик,
Но расстаться с ним
мне сердце не велит.

Это родина моя,
Здесь друзья, нужна им я,
Души предков здесь моих,
Не могу оставить их.

С Божьим благословением

Зовемся мы богородчане –
Живет под Богом здесь народ.
Как были мы семьей вначале,
Таким пошел и весь наш род.

И вот не первое столетье
В старинном городе своем,
Сорвав оковы лихолетья,
Шедевры дружно создаем.

Дворец восстановили вместе,
Он так красив и знаменит.
Где покрова был храм, в том месте
Часовня новая стоит.

И к графской стороне, восточной
(Свою здесь каждый лепту внес),
Короткий путь открыл нам прочный –
Краса и гордость – новый мост.

Соединил мост поколенья,
Теперь уже наверняка.
И с Божьим он благословеньем
Всех будет радовать века.

Мы верим

Было все, только кануло в Лету,
Век новейший шагает вперед.
И другие над парком рассветы,
И дворец посещает народ.

Где гуляли царица с Орловым,
Восхищались красотами мест,
Там теперь веет временем новым,
Нет болотовских прежних чудес.

И где Бобринский бегал мальчишка
Как владелец усадьбою всей,
В этих комнатах в полном затишье
Разместился сегодня музей.

То, что мебелью было когда-то,
Прежней жизни обычный уклад,
Составляет теперь экспонаты
И забытый веками обряд.

Но экскурсии все ж ежедневны,
Много выставок разных и встреч,
Здесь рождаются новые семьи...
А историю будем беречь!

Хоть нет пышности в парке сегодня,
Ни ротонд, ни зеркальных прудов,
Все равно и уютно, и вольно,
Парк любого приветить готов.

Мы все вместе поможем, чем можем,
Восстановим и парк наш, и пруд.
Будет все на былое похоже.
То, что чудом доныне зовут.

Пусть любуются гости, как прежде
Чудесами, числа коим несть,
Не оставим любви и надежды –
Это наши и гордость и честь.

Кто она?

Зимнее утро 1941 года, воскресенье. Мы жили на улице Пушкинской, дом № 16. (нумерация домов до войны и в первые послевоенные годы была с севера на юг). Наш дом считался вторым от улицы Урицкого, хотя первый угловой, выходил на Пушкинскую торцом. Дом, в котором жила наша семья, купил мой дедушка, Иван Васильевич Рожков, у графа Бобринского в 1904 году (сейчас почти на этом месте дом № 19) и посадил дуб в левом дальнем углу сада. Дуб сохранился до нашего времени и украшает двор. А в подвале нашего дома заканчивался один из лучей подземного хода.

Не знаю, имеет ли все это какое-то отношение к тому случаю, о котором я хочу рассказать. Вряд ли! Но кто знает?

Мы почти всей семьей сидели в зале за столом: папа, мама и нас трое старших. Стол был придвинут к окну. А со стороны улицы как раз под окном шла высокая лестница в восемь порожков к входной двери, параллельно дому.

Ночью выпал снег и запорошил порожки и площадку около двери.

Завтрак подходил к концу, и мама нас потирали.

Вдруг мы все увидели, что по ступенькам поднимается незнакомая женщина. Среднего роста, стройная, одета по-городски: темно – синее пальто, сшитое строго по талии, черный меховой воротник слегка приподнят, на голове шапочка – «таблетка», мода на которую, по словам мамы, уже закончилась.

Женщина поднялась на несколько ступенек, повернула голову в сторону окна и быстро поднялась на лестничную площадку. Из окна ее уже не стало видно. Номы успели разглядеть. Темные вьющиеся волосы выбились из-под шапочки, и мне она показалась красивой, почти как мама, примерно такого же возраста.

- Кто она? - спросил папа. – Я первый раз ее вижу.

- Наверное, к тебе полечиться,- ответила мама. (Папа был врачом.)

Мы слышали, что женщина постучала ногами по ступенькам, и нога об ногу, сбрасывая снег. Потом протянула руку в перчатке к окну и стукнула по стеклу три раза.

- Пойду открою,- сказала мама, накинула на плечи шаль и, пройдя холодным коридором, открыла входную дверь. Но ни на лестничной площадке, ни на порожках, ни на улице этой женщины не было. Также нигде не было ни одного следа, снег как выпал, так и оставался лежать ровным слоем.

Мы, ребята, естественно прилипли к окну, но также не видели, чтобы женщина спускалась с крыльца.

Соседка Альбина чистила снег. И мама у нее спросила:

- Вы не видели, здесь женщина сейчас на крыльцо поднималась?

- Не было здесь никого, - ответила соседка, я как раз только что отдыхала, стояла и смотрела в вашу сторону. Никого не было, - повторила она еще раз и продолжила свою работу.

Так это явление осталось загадкой навсегда.

В зимнюю ночь.

Этот эпизод рассказала нам мама значительно после войны, когда мы уже повзрослели. А тогда, в зимнюю ночь 1941 года, я слышала, как маме его рассказывал папа, но только ничего не поняла.

А было это так.

Около нашего дома остановилась лошадь, впряженная в сани – развальни. Из саней вылез мужчина, простой, сельский, в поддевке. Лошадь привязывать к перилам он не стал, даже не обтер с нее «мыло», как делали другие. Видно, очень торопился. Я все это успела рассмотреть сидя за столом и «от нечего делать» глядя в окно.

Мама открыла дверь. Мужчина быстро вошел и сразу обратился к папе:

- Доктор, мой отец умирает. Может, его сумеете спасти?
- А что с ним?
- Он задыхается.
- Давно он болеет?
- Второй год, но так еще никогда у него не было.
- А где вы живете?
- В Ломовке.
- Так далеко. Едва ли я успею ему помочь. Но хорошо, поедем.

Папа у нас был добрый, безотказный и всегда готовый всем помогать. Он быстро одел пальто, шапку, взял свой чемоданчик, в котором были лекарства первой необходимости, шприцы с иглками в стерилизаторе и черная деревянная трубочка для прослушивания, как у Айболита.

- Доктор, так замерзнешь, на улице очень сильный мороз. Полнолуние ведь.

Папа послушно надел свех пальто свой тулуп на лисьем меху и надвинул на шапку капюшон. Наш папа был очень высокого роста, а тулуп доставал до пола. Мама обоих мужчин проводила, закрыла за ними дверь, нас отправила спать, а сама осталась ждать.

Дальнейшее из рассказов мамы.

Когда папа с мужиком приехали в деревню и вошли в избу, больной уже был без сознания. Папа расстегнул ему рубашку, приложил трубочку, послушал сердце, хотя по одному виду больного понял, что опоздали.

- У вас есть крестик? Наденьте на него. Ему ни один врач уже не поможет.

Наш папа, Введенский Юрий (Георгий) Николаевич, был сыном священника. Он с раннего детства любил ходить в храм, поэтому запомнил много молитв. Мечтал и сам стать священником, но пришли другие времена и атеистическая власть.

Он прочитал над умирающим отходную молитву. Пока покойника обмывали и одевали, выписал необходимые медицинские справки.

- Священников во всем районе остались единицы, - сказал он, - и едва ли кто согласится по такому морозу приехать сюда. Пока ночь, я прочитаю наизусть, сколько помню, часть панихиды, только вы никому об этом не говорите, иначе меня снимут с работы.

Не надо, доктор, у нас всех покойников так хоронят, - ответила хозяйка, - зачем вам рисковать. В деревне и стены слышат. Оставайтесь лучше ночевать, а я сейчас ужин приготовлю.

Но папа отказался. Мужчина опять запряг лошадь. Папа сел в сани, закутался в тулуп так, что только одни глаза были видны, и быстро задремал.

Вот проехали деревню и выехали в поле. Папа спокойно спал. Вдруг он услышал голос мужика:

- Доктор, видишь?

Папа отодвинул капюшон и посмотрел в ту сторону, куда кивком головы показывал мужик.

- Вижу, - сказал он.

- И я вижу, - подтвердил мужик.

Рядом с лошадью и в такт ее шагов бежал сатана. Ростом он был со среднего мужчину. Бежал, как человек. Одну руку положил на оглоблю в том месте, где оглобля скрепляется с дугой. Луна так ярко светила, что все очень хорошо было видно. Лошадь фыркала и неслась как угорелая. Но сатана не отставал.

Папа стал вслух читать молитву, какой священники начинают службу:

- «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков...»

Но не успел дочитать до конца, как «непоштенный попутчик» сделал два шага в сторону и вперед и стал невидимым.

Дома мама оставляла мужика до утра, потому что сатана мог увести лошадь далеко в поле и мужик замерз бы до смерти, но он сказал, что теперь к нему нечистая сила не подойдет, он понял, как можно защищаться.

Дедушкин брат.

Когда под натиском нашей славной Красной Армии фашисты отступали от Богородицка, они превратили наш родной город в развалины. Сгорел и наш дом. Папа был на фронте. А мы, четверо малышей, из которых старшей, больной, было девять лет, остались в чем есть, в чем смогли убежать в Новопокровку.

Первые две недели после оккупации жили в селе у знакомых. Мама каждое утро уходила в бывший город в поисках жилья и работы. Но кому нужна была такая большая семья, четверо голодных ртов плюс мама? А я ходила по селу и побиралась, кормила остальных, как могла.

Но вот нас все же приютили у себя в малюсеньком домике наши родные, которые уже приняли маминих сестру и маму, то есть наших тетю и бабушку, и с ними мы стали жить одной семьей.

Семья хозяев состояла из дедушкиных (мамино папы) брата, сестры и неродной племянницы (дяди Володи, тети Анюты и тети Лины). Из четырнадцати братьев и сестер они были последние и уже старше пенсионного возраста. Жили за счет своей усадьбы в двенадцать соток, на которой росли ягодные кустарники, а также выращивались овощи. А тетя Лина работала надомницей в пошивочной мастерской.

Дядя Володя был заядлым курильщиком и для этого каждый год выращивал на огороде табак. Листья и стебли он сушил, резал их специальным ножом и смешивал. Из кусочка газеты и этой смеси изготавливал «самокрутки» и «козьи ножки» и курил почти непрерывно. И хотя сидел всегда в кухне за столом на своем месте, но дверей между комнатами не было (их сняли из-за тесноты), и мы, дети, постоянно поглощали этот ядовитый дым.

Так прошло немного больше года. Была зима 1943 военного года. И неожиданно ночью дядю Володю хватил удар (сейчас это называется инсульт). У него онемела вся правая часть тела.

Врачей в городе не было, все находились на фронтах и в госпиталях. Но так как наш папа был врач, а мама медсестра, то из другого района к нам прибыла малоопытная, начинающая молоденькая врач. Она осмотрела больного, дала назначения и категорически запретила курить. Дядя Володя сумел выдержать, а сознание у него сохранилось. Постепенно ему стало лучше. И через год он с костылем подходил к столу и садился на свое место. Только правая рука его плохо слушалась.

Но вот из госпиталя вернулся в кратковременный отпуск мамин брат дядя Витя и пришел к нам. Дядя Витя не знал, что дядя Володя теперь не курит и, когда в кухне никого не было, закурил сам и угостил его. И после этого все началось заново. Так как сам сделать себе самокрутку дядя Володя не мог, то стал нервным, раздражительным. Меня то и дело заставлял ходить к соседу – инвалиду, чтобы тот заготовил ему сразу несколько штук. А потом я и сама научилась их делать. И хотя мое творчество ему не нравилось, он все же терпел и не ругался.

И однажды вечером, в яркую звездную и морозную пору к нам в дверь сильно постучали.

- Кто бы это так поздно мог быть? – спросила мама. Пойду открою.

Она подошла к входной двери и спросила:

- Кто стучал?

Ответа не последовало. Тогда она открыла дверь: на крыльце спиной к ней сидел дядя Володя. В своей обычной рабочей телогрейке и старой меховой шапке.

- Дядя Володя, что же ты сидишь здесь? Замерзнешь. Иди домой.

«Дядя Володя» медленно повернул голову и мама увидела, что вместо головы под шапкой череп. В ужасе она закрыла дверь и вбежала в комнату. Увидела на своем месте дядю Володю и здесь же, около порога, опустилась на пол без сознания. Бабушка вышла на порог, посмотрела – на улице никого не было. Когда мама пришла в себя, она рассказала, кто стучал.

- Это смерть моя пришла, - спокойно сказал дядя Володя.

Но мы, дети, были охвачены ужасом, всю ночь не спали, ворочались на печке и разговаривали. К утру дядю Володю вторично парализовало.

А через два дня, днем откуда – то появилась черная, полудикая бродячая собака. Она стала на небольшом расстоянии у окна, около которого лежал дядя Володя, посмотрела, потом, задрав морду вверх, жутко завывала. Это был ужасный душераздирающий вой. Мы в страхе все тряслись, да и взрослые тоже. Потом собака обежала наш дом с другой стороны, а потом и с третьей, и каждый раз, глядя на наш дом, страшно и подолгу выла. Чуть прекратит и начинает снова.

- Она выла на дом с трех сторон, но не выла напротив той двери, которую мы открываем только тогда, когда выносим гроб с покойником. Так всегда делают бродячие собаки. Значит кто-то у нас очень скоро умрет, - сказала тетя Анюта.

- Самая старая здесь я, - вздохнув, промолвила бабушка.

- Возраст значения не имеет,- успокоила ее тетя Анюта.

Утром умер дядя Володя.

Вадим.

Летом 1944 года к нам из Тулы приехала бабушка, папина мама. Мы ее давно не видели и очень обрадовались и, естественно, не предполагали, что этот ее приезд будет последним. А она, можно сказать, пришла в ужас, когда увидела, что осталось от нашего города.

Нас, троих старших, она посчитала взрослыми, хотя сестре было одиннадцать лет, мне – десять, а брату только исполнилось девять. И от нее мы впервые узнали, что ее муж, а наш дедушка, был священником, а она дочь дьякона. Конечно, нам не все было понятно, но мама нас предупредила, чтобы мы никому об этом не рассказывали, иначе нас исключат из школы.

Но не только мы, дети, а даже мама, помнили до самой старости эпизод, который рассказала бабушка.

У нее умер брат, родной или двоюродный – теперь уже не помню. А у него был взрослый сын по имени Вадим. Все семья бабушки, начиная от дальних предков, относилась к роду дворян. И все, в том числе наш папа, даже дома нередко разговаривали между собой на французском языке. И большинство мальчиков, повзрослев, становились офицерами или священнослужителями. Исключение составил Вадим: он против воли отца стал учителем гимназии, а потом сообщил, что вступил в ряды коммунистической партии. И отец его за это проклинал.

Итак, отец с сыном стали чужими. Сын ушел из дома и, где он жил, с кем общался и чем занимался, женился или нет, отец не знал. Конечно, в душе, возможно, и переживал за сына, но виду не показывал.

И вот отец умер. Покойника обмыли, одели и, пока еще не было гроба, уложили в спальне на его кровать. Стали собираться родные, соседи, знакомые. Двери в квартиру, (а она находилась на втором этаже), были раскрыты, а это случилось в самом начале весны.

Вдруг в открытую дверь вошел Вадим. В сером пальто, в тон ему шляпа и перчатки, в руках трость. Молча снял шляпу, поздоровался со всеми только кивком головы, прошел в зал и оттуда в спальню.

Минуло минут двадцать, он не выходил. Бабушка вошла в спальню. Вадим стоял на коленях около кровати с покойником, держась за край кровати и опустив голову.

- Вадим, пойдем обедать! – пригласила его бабушка.

Он молча слегка повернул голову в ее сторону и снова принял прежнюю позу. Бабушка упрашивать не стала и сделала два шага к выходу. Вдруг сзади слышался какой-то звук, напоминающий шипение. Бабушка оглянулась – Вадима в комнате не было. Она в страхе вышла и рассказала об этом всем.

Прошло сорок дней. Весна затянулась, и было еще холодновато. В зале за столом родных и знакомых собралось довольно много, поминали отца Вадима. Помин уже подходил к концу.

Вдруг открылась дверь и вошел Вадим. Одет, как и в прошлый раз. И также поздоровался, сняв шляпу и молча слегка кивнув. И прошел в спальню отца.

Через некоторое время бабушка пошла тоже в спальню. Вадим стоял на коленях около кровати отца в той же позе, что и прошлый раз.

- Вадим, пойдем, помянешь отца, - сказала она ему.

Но он даже не шелохнулся.

Бабушка подошла к нему и тронула его за плечо.

- Пойдем, Вадим, - только успела повторить она и вдруг все поняла и в страхе опустила руку.

Вадим был мертв.

«И за меня тоже...»

После окончания Мичуринского плодовоовощного института (сейчас Агрономический университет) меня направили на работу старшим агрономом по садоводству в довольно крупный совхоз Ефремовского района. Вплотную к землям совхоза примыкал колхоз, и среди работниц совхоза было не мало деревенских женщин. Название деревни и колхоза уже не помню, а нашу совхозную передовицу, тоже проживающую в этой деревне, звали Мария Платоновна. А так как она по тому времени была довольно грамотная и хорошо знала сельскую жизнь, а я из городской интеллигентной семьи, то я подружилась с ней и нередко прислушивалась к ее мнениям и советам.

Свободных квартир в совхозе не было, и меня поселили в одном из частных домиков в деревне, самых близких от конторы совхоза. Там жили муж и жена, дом пятистенка, я занимала горницу. В ней на стене висело несколько старинных икон с лампадой. Хозяйка каждый вечер, перед тем, как ложиться спать, молилась на эти иконы, не стесняясь того, что я рядом лежу, еще не сплю и смотрю на нее. Я хотя еще со времен войны знала несколько молитв, но по студенческой привычке никогда не молилась и даже не крестилась и не имела ни крестика, ни иконы.

Случилось так, что у меня заболела кисть руки, что-то с сосудами. Было это и раньше с ногами, но не в такой степени. Высокая багровая опухоль, сильная боль, особенно на солнце и с каждым днем все хуже. Обратилась к местному фельдшеру – женщине, но она только дала направление к дерматологу в городе Ефремове, а это за десять километров от совхоза, и никакого транспорта. И на работе горячая пора.

Легла я спать, а уснуть не могу от боли, и не знаю, как руку уложить, чтобы легче было. Вижу, подошла хозяйка к иконам и молится. Сама не знаю, от нахлынувшей вдруг веры в помощи Божью или от отчаяния, я произнесла:

- Помолитесь и за меня тоже, чтобы у меня рука прошла.

Хозяйка молча оглянулась, бегло посмотрела на меня и продолжила шепотом читать по памяти молитвы. Слов я расслышать не могла и подумала, что она не приняла всерьез мои слова. Но она закончила молиться, взяла маленькую тряпочку, опустила ее в лампаду, в масло, и подошла ко мне.

- Давай руку.

Хозяйка смазала мою отечность, а потом велела мне, сейчас уже не помню, дунуть или плюнуть, три раза и показала куда. Я послушно это сделала.

- Вот еще надо два раза так сделать, и все пройдет, - сказала она.

Утром я увидела, что опухоль значительно спала, но совсем не прошла. Боль тоже стала меньше.

В этот день с вечерним поездом меня послали в командировку в Москву на три дня. Дни эти были очень напряженные, к тому же я Москву знала плохо, а мне в

помощницы дали сельскую девушку, которая, кроме своей деревни, вообще никогда и нигде не была и всего очень боялась, все время держала меня под руку. И про свою болезнь я забыла. А когда вспомнила, посмотрела на руку, а она оказалась совсем здоровая.

Позже хозяйка мне сказала, что и без меня она читала перед иконами нужные для меня молитвы.

Доможил

Но продолжу жизнь, начатую в предыдущем рассказе.

Когда я приехала из Москвы, то узнала, что на этой квартире для меня больше места нет, потому что дочь хозяев, Вера, разошлась с мужем и вернулась домой с маленьким Вовкой, который еще только начинал произносить первые слова. Сначала они спали в летней пристройке, а когда похолодало, хозяйка сказала, чтобы я освободила для них комнату. Я обратилась в профком.

Квартиру мне нашли. Немного подальше был дом, состоящий из двух изб – четырехстенок, соединенных общей стеной. В одной избе жила мать – одиночка Татьяна с пятилетним сыном, а в другой прежде жил ее брат. Но он женился и ушел жить к жене, однако что-то в колхозе своровал, и его посадили на значительный срок.

Татьяна избу внутри побелила, промыла, и я перешла в нее жить.

Когда пришла на работу, первый вопрос мне задала Мария Платоновна:

- Это вы теперь у Татьяны живете в половине Анатолия?

- Да! А что?

- Будьте осторожны. В нашей деревне в каждой избе доможины живут. Едва ли Анатолий, когда уходил, позвал с собой хозяина.

- Да не верю я в это,- резонно сказала я.

- Поживете – поверите. Хорошо, если он полюбит вас. А если нет, то таких дел натворить может...

- Ну и что же я должна делать? – чтобы не обидеть добрую женщину, все же спросила я, про себя улыбаясь над ее наивностью.

- Если он на вас навалится, то спросите у него: «К худу или к добру?» Он может ответить, а может и нет. Но от него пойдет тепло или холод, так вы узнаете, что ждать дальше.

- Это даже интересно. Ну и пусть приходит ко мне, я не боюсь.

Но Мария Платоновна посмотрела на меня даже с испугом.

Я стала жить в этой избе. Мне привозили дрова, уголь. Топила после работы печку, готовила обед. Мне нравилось считать себя хозяйкой. Иногда заходили местные парни по два-три человека, рассказывали разные деревенские побасенки, грелись у печки и уходили. Так прошло месяца два.

Но однажды ночью я действительно почувствовала, что на меня кто-то тяжелый навалился. Хорошо знала, что двери уличную и ведущую в сенцы надежно закрыла. И тут вспомнила предупреждение Марии Платоновны. Главное, я твердо понимала, что проснулась и это не сон. Печка была натоплена жарка, и я накрылась одеялом по грудь, а он навалился как раз на верхнюю часть тела.

- К худу иль к добру? – спросила я его.

Он слез с меня на пол, накрыл меня одеялом по шею. Я почувствовала тепло и услышала отчетливо произнесенное мужским голосом только одно слово: «Помалкивай.» Я быстро повернулась лицом в комнату, в окна светила луна и никого уже не было видно.

Утром я рассказала об этом Марии Платоновне.

- За чем вы мне все рассказали? – испугалась она за меня, - он пришел к вам с теплом и велел молчать. Теперь вы его обидели.

Но я не приняла всерьез ее слова. Однако примерно через неделю мне что-то не спалось. И вдруг сверху с потолка, а потом и из стены на расстоянии примерно двадцати сантиметров от потолка полилась очень вонючая жидкость ко мне на одеяло. Такой вони я ни до ни после этого не чувствовала. Другого одеяла у меня не было, но вата промокла не насквозь. Утром постель оказалась почти совсем сухая, но штукатурка на потолке и стене частично оставалась мокрой.

Я рассказала об этом Марии Платоновне, и она принесла мне небольшую, но старинную красивую икону Богородицы.

- Не могу, меня с работы снимут, - побоялась я ее взять.

- Не снимут, это же деревня, здесь у всех есть.

Я повесила икону над кроватью и меня больше никто не тревожил.

Ведьма

Меня направили в Кобылинскую восьмилетнюю школу Новопокровского сельсовета работать учителем химии, биологии и географии. От Богородицка приходилось добираться автобусом до шахты № 76, а от шахты до школы – пешком около двух километров. Автобусы ходили редко, их расписание было подстроено под рабочие смены шахтеров, для моего рабочего дня очень неудобно.

Я жила по-прежнему в городе в маленьком домике около первой школы. Ближе всех для меня была промежуточная остановка автобуса, называемая «Заготзерно». Вставать приходилось в половине шестого утра, а в нашей семье все ложились спать поздно, поэтому я не высыпалась и не ходила пораньше городом до автостанции, а ежедневно шла темными улочками и переулками на эту остановку.

Но вот наступила зима, рассвет стал поздним; вставать рано и идти в темноте для меня было не так страшно (смелости мне всегда хватало), как опасно, и я обратилась к местным техничкам школы с просьбой устроить меня на частную квартиру в деревне Кобылинка.

- У нас здесь только одна женщина пускает, тетя Настя, но боятся люди у нее жить, - сказали обе.

- А почему боятся?

- Вы лучше спросите у наших учителей начальных классов – мужа и жены. Они в прошлом году у нее жили и ушли.

Я обратилась к Марии Никитичне с этим вопросом, но ответ меня очень удивил:

- Хозяйка эта ведьма. Нет, с нами она была спокойная и добрая, но мы поняли, что она ведьма, и теперь боимся там жить, и вам не советуем.

- А в чем это выражается?

- Я не хочу рассказывать. – ответила Мария Никитична. - Валентин не боится, а я боюсь. Не спрашивайте больше ничего. Если поживете – сами все поймете. Да и вся деревня это знает.

- Не верю я ни в каких ведьм и ничего не боюсь. Проводите меня к ней.

Но провожать она меня не стала, а только показала этот дом на расстоянии.

Хозяйка действительно оказалась очень радушной и согласилась сразу. На вид обыкновенная сельская женщина, чистенькая, опрятная. Домик маленький, четырехстенка. Небольшой коридорчик, из которого идут три двери: входная с улицы, напротив ее – ведущая в так называемый деревенский двор, то есть сарай, где содержится скотина, он же служит туалетом. А с левой стороны дверь, ведущая в комнату. В комнате справа небольшое пространство и русская печь вплотную от стены, идущей во двор. Слева под окном - маленький столик, эта часть как-бы является

кухней. Под другим окном небольшой стол – тумбочка с керосиновой лампой. Это для меня. А на против двери у стены моя кровать. Хозяйка спала на русской печке головой вперед, а ноги всегда торчали, потому что печь была меньше ее роста.

Жили мы с ней дружно, ночевала я не каждую ночь. Иногда ездила домой, это зависело от расписания уроков и многочисленных мероприятий.

Но однажды... А точнее сказать, в одну морозную зимнюю ночь.

Я проснулась от шума. В комнату в открытую из коридора дверь входили гуси. Они хлопали крыльями и громко гоготали. Я окликнула тетю Настю, но ответа не последовало. Тогда надела на босу ногу валенки и подошла к печке, но ног хозяйки не было видно. Снова громко окликнула, но безрезультатно. Я стала на корточки и провела рукой по всей передней части (это примерно треть длины), и опять безрезультатно: на печи никого не было. Но удивительно: как только я подошла к печке, гуси сложили крылья и перестали гоготать. И почему дверь оказалась раскрытой нараспашку, ведь я хорошо помню, что леглась спать последняя и все двери закрыла на щеколды.

Мне ничего другого не оставалось делать: накинула пальто и подошла к гусям. Они послушно гуськом вышли в коридор. Дверь во двор тоже оказалась распахнутой, и гуси спокойно прошли в нее. Я закрыла все двери, сняла пальто и подошла к печке: ноги хозяйки торчали, как всегда, и слышалось ее похрапывание.

Что это было, я так и не поняла. Но продолжала жить на этой квартире какое-то время. А потом сдали в эксплуатацию шахту № 77, названную позже Покровской, автобус стал ходить чаще, и я каждый день ездила домой.

Ранним утром

Наша Кобылинская семилетняя школа работала в две смены. К нам ходили ребята из пяти разных деревень Новопокровского совета и самого села Новопокровского. Поэтому и учителей, ведущих одни и те же предметы было не меньше, чем по двое. Мы с напарницей работали в разные смены: я в первую, она во вторую. Ноу нее часто болел ребенок, и на все эти дни мне приходилось оставаться и вести уроки за нее. К тому же на все эти деревни и село я единственная имела высшее образование, вести различную агитационную и пропагандистскую работу среди колхозников больше других доставалось мне, а к ней тоже надо готовиться.

Выходной день был только воскресенье. Да и какой он выходной, если к понедельнику надо было написать шесть разных планов и подготовиться к урокам, а я работала первый год и вела химию, биологию и географию во всех классах. К тому же за неделю набирались и домашние дела. Поэтому отдыха не было.

И вот как-то зимой в понедельник иду рано утром на автобусную остановку, опаздываю, поэтому пошла к промежуточной под названием «Заготзерно». Не выпалась, глаза слипаются. А будущий колхозный переулочек только начал застраиваться, всего несколько остовов и, конечно, еще никто не живет. Дальше с одной стороны только фундаменты, а с другой – ровное пространство, покрытое снегом.

Вдруг откуда ни возмись мне навстречу несется галопом какое-то огромное животное, вроде бы собака, но необычно большого размера. При слабом свете находящейся на значительном расстоянии от этого места на столбе небольшой лампочки разглядеть это животное я не смогла, но издаваемые им звуки, не похожие на собачьи, были настолько грозные, что стало понятно: оно хочет меня растерзать.

Вовремя войны, в 1942 году, также зимой, мне, восьмилетней девчонке, пришлось ранним утром идти одной через разрушенный безлюдный город на Аварийный поселок, чтобы отоварить пшеном продуктовые карточки. А на встречу, среди высоких сугробов по узкой, проложенной в один след топке, мчалась друг за другом целая стая голодных собак. И тогда были случаи, что собаки нападали на детей даже моего возраста и разрывали их. Но в этот раз спасла молитва «Отче наш», которую я успела прочитать наизусть про себя. Она остановила собак и превратила их в моих друзей, спасших меня от другой стаи.

А теперь я остановилась, как вкопанная, и ничего не могла вообразить. Это был не страх, а скорее даже какое-то оцепенение.

И когда это животное оказалось почти в паре шагов от меня, я, ничего не соображая, крикнула:

- Господи, помоги!

Был ли это призыв о помощи или просто крик внезапно осознанного ужаса, сказать не могу.

Но вдруг между нами неожиданно, как ниоткуда, как ниоткуда, появился человек в какой-то длинной, непонятной черной, совсем даже не зимней одежде, и загородил меня от этого чудовища. Животное с разбегу встало на задние лапы, а передними уперлось в его плечи, как бы пытаясь повалить. Оно оказалось выше человека.

Все это происходило настолько быстро и неожиданно, что я растерялась.

- Беги скорее, я не удержу его! – крикнул мне мой спаситель.

Я отбежала несколько шагов и инстинктивно оглянулась: переулок был пустынным. Ни этого животного, ни человека нигде не было. И полная тишина. Куда они исчезли, - непонятно. До первых домов за такой короткий период времени дойти не успели бы.

С тех пор мне все же иногда приходилось торопиться к автобусу этим переулком, но ничего подобного больше не встречалось. А если попадались там дворняжки, то они даже не подходили ко мне.

И что замечательно, работая позже в других сельских школах, я часто посещала родителей учащихся и предварительно читала молитву. Собаки на меня иногда лаяли, но ни одна ни разу даже не приблизилась. И тогда я с ними ласково разговаривала, как с хорошими друзьями. Они это понимали и уступали мне дорогу.

Мои друзья

Двухквартирный дом постройки 1936 года на территории сельскохозяйственного техникума, где я жила, как-то вдруг сразу пришел в полную негодность. Его списали. Но строительство нового дома, в котором обещали дать квартиру, и документы уже все были готовы, почему-то задерживалось. Жильцы из первой квартиры уехали на время к родным в деревню, и в их половине дома поселились бомжи.

Я жила одна, и проживание в таких условиях стало невозможным. Перегородка между квартирами была тонкой, а у бомжей каждый вечер попойки, матерщина, крики, драки.

И меня временно переселили в многоквартирный двухэтажный старый кирпичный дом на территории сельскохозяйственного техникума. Дом был постройки 1898 года, квартира трехкомнатная угловая на первом этаже. В ней уже почти год никто не жил, потому что она славилась какими-то непонятными, загадочными явлениями, происходящими в ней. И люди боялись. Но у меня не было другого выхода, к тому же я считала все это предрассудками, и мне пришлось согласиться.

Быстро сделали ремонт, для меня бесплатный, я попросила приехать помочь с переездом родных жены моего сына, проживавших в Новомосковске и рассказала им, чем прославилась эта квартира.

- А ты позови своего хозяина, он тебя будет охранять, - предложила мне сваха.

- Какого хозяина, я же одна живу, - не поняла я.

- В каждом доме и в каждой квартире есть хозяин. Когда будешь уходить окончательно, последний раз, скажи ему: «Хозяин мой, пойди со мной, будем жить-поживать и добра наживать». И все будет хорошо.

- Но у меня икона есть, - заколебалась я. - Правда я ее прячу в шкаф, а то, если увидят, меня с работы снимут.

- Это одно другому не мешает.

- А не грех? – снова засомневалась я.

- Всегда на Руси в деревнях так делали. И меня этому когда-то бабушка научила.

Я начала сдаваться:

- А может, в этой квартире старый хозяин живет или еще кто-то, почему-то ее все избегают.

- Тебе бояться нечего, раз у тебя икона есть.

- Я не боюсь. Ладно, сделаю, как ты сказала.

Когда гости уехали, я пошла на старую квартиру. Почему-то стало очень грустно. Посидела на оставшейся шаткой табуретке. Но идти надо. Где живет хозяин, я не знала, да, честно говоря, и не верила этому, но на всякий случай произнесла эти слова и в комнате, и в кухне.

Пришла на новое место, за день очень устала, включила свет, села на диван и сижу молчу. Мысли разбегаются, ни на чем сосредоточиться не могу. Вдруг ровно в восемь часов вечера раздались какие-то звуки от стены, что между залом и кухней, близко от пола. Не похоже не на лягушку, не на жабу, не на тритона, а что-то среднее между ними. Прозвучит подряд примерно 4 – 6 раз, потом перерывчик секунд на двадцать, и снова так же. Это продолжалось примерно час, но я никак не среагировала. На второй, третий и дальнейшие дни звуки повторялись и всегда в одно и то же время. И так продолжалось недели две. Мне стало это надоедать. И однажды я не выдержала и сказала вслух:

- Ну хватит меня пугать. Ты же видишь, что я не боюсь тебя.

У меня появилось такое чувство, что к моим словам действительно кто-то прислушался. И я продолжила:

- Лучше давай с тобой дружить. Будь моим другом и моей защитой.

С этих пор я больше не разу не слышала ни одного звука.

Лекарь

Началась в стране перестройка. Поменялась власть, в том числе и богородицкая. По новым законам я потеряла много льгот, и в новом доме квартиру мне не дали. Я продолжаю жить в этом допотопном доме. Бывшие жильцы удивляются, что со мной ничего загадочного не происходит.

Но совсем недавно я лежала ночью в кровати на правом боку и не спала. Беспокоили судороги в левой ноге с сильными болями. Не могла успокоить. В правой ноге немного легче.

Вдруг мне на ноги, на голеностопные суставы кто-то прыгнул. Такое впечатление, что это был очень тяжелый какой-то огромный кот. Он пошел по мне, приближаясь к голове и как-бы впиваясь лапами в тело.

- Тебя мне еще не хватало, и так больно, а ты добавляешь. Уходи.

Он дошел до моей поясницы, слез с меня, пошел рядом по краю кровати и улегся около моей головы на подушке. Я положила на него руку. Пушистый, теплый и приятный. Он, видимо, это понял и вплотную приблизился к моему лицу.

- Отодвинься, мне так душно, - сказала я.

Он не шевельнулся. Тогда я попыталась одной рукой отодвинуть его от себя, но не смогла, он оказался очень тяжелым.

Я попробовала читать молитву, но слова начали путаться.

- Ну зачем ты так, мне же душно. Подвинься, мы же с тобой друзья.

И тут я почувствовала, что он отодвинулся, а потом услышала, что спрыгнул на пол. Включила свет, но в комнате никого не было. То место, где он лежал, было очень теплым. Но странно, что ноги совсем перестали болеть и судороги прекратились. Я уснула.

За шпалами

После того, как наша славная Красная Армия 15-го декабря 1941 года освободила город Богородицк, она продолжала все дальше гнать фашистов, освобождая деревни и села. Гитлеровцы в панике бежали, однако на своем пути успевали причинить немало вреда мирным жителям, сжигая их избы, расстреливая ни в чем не виноватых людей. И страх в народе держался долго.

Этот эпизод мне рассказала Валентина Федоровна Артищева (бывшая Нефедова). Ей в то время едва исполнилось 8 лет.

Село Солодилово Сафоновского (сейчас Ефремовского) района Тульской области. Туда она и вся ее семья приехали к бабушке с дедушкой после того, как в Богородицке фашисты сожгли их дом.

В Солодилово фашисты заходили дважды, но не задерживались. Все же значительную часть домов этого большого села они успели сжечь. Когда опасность очередного нашествия этих «непрощенных гостей» миновала, погорельцы начали отстраиваться. Но где взять материалы, чтобы поставить хороший дом? И люди стали воровать на железной дороге шпалы.

Однажды за шпалами отправились два друга: Николай Васильевич Подколзин и Никита Исаевич Масленников. Оба мужика были положительные и уважаемые в деревне. Но что сделаешь? – нужда заставила их пойти на такой поступок, ведь не себе дома строили, а вдовам с детьми.

Идут спокойно. Погода хорошая. А вот перекресток дорог, до него осталось каких-то метров пятьдесят.

Вдруг откуда ни возьмись, как будто за какие-то секунды появился из-под земли и идет по поперечной дороге громадный мужичище, настоящий великан. Под три метра ростом, идет, и звенит чем-то. Дошел до перекрестка, посмотрел почти в упор на мужиков и громко, дико захохотал. Мужики были, как говорить, не из робкого десятка, а тут испугались, с испуга схватились за руки, повернулись и что было духа помчались назад в деревню. А им вслед уже не хохот, а дико. Словами, неслось:

- Ха – ха – ха.

А потом снова и снова:

- Ха-ха-ха; ха-ха-ха.

Подбежали мужики к деревне, а штаны-то к обоим мокрые.

- Ты видел? – спросил один.

- Видел. А ты тоже видел? – спросил другой.

- И я видел. Но что это было? Кто он?

- Не знаю.

- И я тоже не знаю.

А через несколько дней дошел до села слух, что как раз именно в это время на железной дороге была облава. Попались за воровство шпал тоже двое. Их судили: одному дали 10 лет, другому 15.

Долго потом наши мужики не могли до конца опомниться. Это непонятное существо спасло их от тюрьмы.

Прапрабабушка Анисия

Моя прапрабабушка Анисия ходила пешком в старый Иерусалим, стояла на молитве у Гроба Господня и выписала иконы для Тульской губернии. Для своего храма она выписала большую икону Владимирской Божьей Матери в виде хоругвия.

Прошли годы. Первая мировая война нагрянула на нашу страну. Но этого мало. В южных районах страны разразилась ужасная вспышка сыпного тифа. Болезнь косила сотни и тысячи людей. Вымирали целые семьи.

Тогда мамина сестра, а мне она тетя Клаша, взяла эту икону и мою шестилетнюю маму и пошла пешком по ближайшим от Солодилова деревням, мама держала тетю Клашу за подол. Они прошли Горсткино, Сухие Плоты, Лебедчино и ряд других. И везде, где они побывали, больные исцелились, а другие больше не болели.

Но вернемся назад, ко времени царствования Екатерины Великой. Муж прапрабабушки Анисии, Ларион, погиб при взятии Измаила. Оставались повзрослевшие сын и дочь. Она не знала, как поступить, и решила сходить к прозорливому старцу. Путешествие длилось полгода, от рождества и до лета. По Кавказским горам передвигались на осликах, однажды в них стреляли бандиты, но не попали. Большую часть пути прошли пешком.

Старец посоветовал сына женить, а дочку замуж не выдавать, оставить при себе помощницей. Она так и поступила. Жизнь сложилась неплохо.

Грех на душу

К дедушке зашел известный в деревне дебошир и хулиган, а теперь коммунист и активист Тимоха.

- Сейчас я с вашей церковью совсем покончу,- сказал он, - остался один божок. Сейчас я его замажу, забелю, и все будет покончено.

- Твои коммунисты хуже немцев,- ответил ему дед. – Немцев от Тулы прогнали, а от вас не спасешься. Не делай этого, не бери грех на душу, Тимоха.

Но Тимоха только хихикнул и ушел.

В храме все иконы были замазаны известкой, и только высоко под куполом оставалась одна. Тимоха подставил лестницу и залез на предпоследнюю перекладину. Но не успел сделать ни одного мазка: лестница покачнулась, он не удержался, свалился с большой высоты и разбился насмерть.

Жена отказалась хоронить, не было средств: у самой шестеро детей. И он валялся три дня, потом колхозники по наряду выкопали неглубокую ямку, положили его такого, как есть, без гроба, без почестей и отпевания, и закопали.

Наш храм назывался в честь святого Никиты. Этот святой лечит глаза. Праздник 28 сентября. А с боков были престолы Рождества Богородицы и Николая Угодника. К Никите святому старались убрать урожай, потом был веселый праздник.

Старший мужчина в доме

В семье у родителей их было сначала четверо, но мальчик только один, самый старший из детей. Когда началась война и папа ушел воевать с фашистами, Вове было восемь лет, и он оставался единственным, старшим мужчиной в семье.

Но война закончилась, отец вернулся с фронта, в семье появился пятый ребенок – сестричка Любочка. Жили, конечно, бедновато, работал только отец, одна из сестер была больная.

Володя мечтал стать летчиком. Закончил школу с серебряной медалью. Подал документы в летную школу. Физические испытания были очень жесткие: не только обычные – бег, прыжки, подтягивания и т.д., но абитуриентов крутили в колесе, после чего сразу же какие-то упражнения на земле. Понял Володя, что это не для него. Надо возвращаться домой. На поезд опоздал, пошел пешком в темноте после двенадцати часов ночи. Он очень боялся. И вдруг увидел, что вслед за ним идет целая армия солдат, одетых во все белое, и некоторые на велосипедах. И не отстают, и не обгоняют. Когда он подошел к речке. Это видение исчезло. Что это было, он не понял.

Поступил Володя учиться в Вологодский институт геодезии и картографии. Это связано с исследованием полезных ископаемых.

И тут умер отец. Было начало лета. Володя сдал последний экзамен и на похороны приехать успел. Отец лежал в гробу в зале, но Володя сначала прошел в кухню. Окно ы кухне выходило на восток, а была открыта только форточка. Яркие лучи утреннего солнца освещали комнату.

Хотя отец не был членом партии, никаких религиозных обрядов над покойником не совершали.

Вдруг Володя увидел на кухне около стола Михаила Архангела с распущенными крыльями и во восторг, как в церкви на иконе. Но был он не в лучах солнца, а в эфире – какой-то нереальной, прозрачной части воздуха. Володя испугался, а Архангел Михаил стал улыбаться и так ласково, приветливо. А потом произнес: «Ты теперь будешь заботиться об этой семье.» И Володя потерял сознание.

После похорон он сразу написал в институт, чтобы выслали документы.

И еще что удивило всех. Когда поминали отцу сорок дней, напротив того окна, где стоял стол, прилетела на дерево какая-то птичка и чудесно запела. Никто из сидящих за столом никогда прежде не слышал такого удивительного мелодичного пения. Но как только закончилась трапеза, птичка сразу улетела и больше не прилетала.

Володя работал на почте. Разбирал и, в случае необходимости, разносил корреспонденцию, ездил в командировки в деревни, агитировал подписываться на газеты и журналы.

Всем своим сестрам помог получить среднее специальное образование и выдал замуж. А сам закончил институт в Москве только в сорок лет.

Бабушка Акулина

Моя мама осталась круглой сиротой в полтора года. А у ее мамы был брат, значит, ее дядя. Он был женат на очень доброй женщине по имени Акулина. Детей у них не было, и они взяли себе на воспитание этого ребенка.

Акулина была моей матери действительно как настоящая, родная мать. Она очень любила девочку, заботилась о ней, жалела. И когда девочка выросла, собрала ей приданое. А так как девочка не помнила свою родную мать, то называла эту заботливую женщину матерью, и также искренне любила ее.

Но еще, когда девочка была маленькой, семья переехала в Астрахань, а оттуда в село Варварино Тамбовской области. В этом селе в одной семье угорели родители, и Акулина взяла себе на воспитание этих, совсем чужих ей троих мальчишек – сирот. Они были старше девочки, но тоже быстро привыкли к этой доброй женщине, полюбили ее, как родную, и называли матерью. Она всех вывела в люди: старший стал механизатором, младший – офицером, а средний уехал на Дальний Восток, там женился и тоже работал на каком-то престижном месте.

Мама рассказывала некоторые истории из жизни бабушки Акулины, свидетелем которых была она сама. Вот одна из них.

Однажды на праздник Пасхи все ходили в церковь в центральную часть села Варварино, от них недалеко. И хотя на улице было сухо, как это было принято, около храма переобувались. Пробыли всю службу, помолились, пришли домой и бабушка Акулина начала готовить пасхальную трапезу.

Вдруг в комнату вошел высокий пожилой человек, похристосовался.

- Проходите, садитесь за стол, будем вместе разговляться,- предложила бабушка Акулина.

- Нет, мне положите всего понемножку, - и старик протянул руку.

Акулина взяла красивое блюдечко, положила на него немного пасхи, кулича, кусочек яичка (он так попросил). Старичок разговелся и сказал:

- Был я сейчас в храме, народу никого, совсем пустой храм. Только одна женщина очень усердно молилась.

Все удивились таким словам, ведь церковь была битком набита народом.

- Вот я пришел сюда,- закончил старичок. Он поблагодарил хозяйку и вышел.

- Беги, посмотри, куда он пошел, - сказала бабушка Акулина Саньку.

Санек выбежал сразу же вслед за ушедшим, огляделся во все стороны, но на улице никого не было.

- Мама, кто это был? – спросили дети бабушку Акулину.

Она, хотя и догадывалась, но ответить на этот вопрос все же не смогла.

На Волге

С бабушкой Акулиной произошел и другой удивительный случай, который тоже рассказала мама.

Однажды ее семья плыла на пароходе по Волге. Бабушка стояла на палубе и смотрела на волны. И вдруг видит, вслед за пароходом идет по волнам Иисус Христос. Она громко сказала об этом.

Подбежали люди, тоже стали смотреть, но не увидели.

- Где он? Где он? – спрашивают.

- Да вот же, вот, - показывает Акулина.

Но никто, кроме нее, так и не увидел.

Старик

- Мы жили в деревне Тулянка Шашкинского района Тамбовской области,- начала свой рассказ Зинаида Владимировна Фролова. – Деревенька небольшая, в то время было всего 17 дворов, потом их стало еще меньше. А сейчас этой деревни совсем нет. Наш дом назывался крайний.

Шла война. Папа был на фронте. Старший брат уехал из семьи, завербовался и где-то создал свою семью. Нас в избе оставалось трое: мама, средний брат и я. Мне еще не было и пяти лет. Мы все втроем спали на печке, я спала от другой, уличной стены, самая первая.

Однажды ночью меня как будто кто-то разбудил. Я открываю глаза и смотрю: около печки сидит незнакомый старик. Весь такой белый – белый. Волосы белые и борода длинная и тоже очень белая.

Я присмотрелась, на нем рубашка – косоворотка и тоже белая. Сидит прямо, не шелохнется и не обращает ни на кого внимания, как часовой на посту.

На следующую ночь меня опять кто-то разбудил, и я опять увидела этого же старика. У нас около грубки была площадка (грубка – это домашняя изразцовая или голландская печь. В.В.) Он на ней и сидел, также не шелохнувшись. И все такой же белый – белый.

Так повторялось несколько ночей. Откуда и как он появлялся, и уходил в закрытую дверь, я так и не поняла, потому что и сначала, и потом спала. Ведь я была еще совсем маленькая. Хотела разбудить маму и брата, когда видела старика, но почему – то не могла. Но после, когда старик перестал приходить, я рассказала. Но мне не поверили, решили, что это я во сне видела.

На этом Зинаида Владимировна закончила свой рассказ.

- Ваша деревня была оккупирована фашистами? – спросила я ее.

- Нет, не была. Я даже ни одного немца никогда не видела.

- А какие-нибудь бомбежки, обстрелы были?

- Нет, никогда ничего не было. У нас даже не понятно как-то все происходило. Кроме иногда писем-треугольников, война ничем себя не проявила.

- А в других, соседних деревнях как было?

- По-разному. И зажигательные бомбы были, и обстрелы тоже, где-то и немцы были, кого-то и сожгли. Я тогда маленькой была, ничего не понимала, это уж потом мама рассказывала. Но везде хуже, чем у нас.

- Но вот теперь вы уже взрослая, бабушка, - сказала я,- как вы думаете: так как ваш дом был крайний, а вы к тому же спали около крайней стены, то, может это был какой-то из святых, пришедших к вам с неба, и он действительно охранял вас и деревню?

- А ведь правда, наверное так и было, - согласилась со мной рассказчица.

Сестра

- Нас у мамы было шестеро,- рассказывает Зинаида Владимировна,- брат Миша, 1927 г.р., сестра Таиса 1928 г.р., Николай 1930 г.р., потом я 1938 г.р., и после меня еще два брата: один на пять лет моложе меня, другой – на десять.

Случай этот произошел с братом Мишей. Мы жили в деревне Варварино Тамбовской области. Дом был новый, построенный перед самым моим рождением. В доме была большая русская печка, и все спали на ней. В горнице стояла кровать, но на ней только иногда спал Миша. А в углу между печкой и стеной, как и во всех сельских избах, стояли рогачи (не только рогачи, но и кочерга, чепельник, метла и другая утварь, но все это объединялось одним словом- «рогачи». В.В.)

Время было военное, год точно не помню, но осень еще не поздняя; и на деревенской, так называемой «улице», собиралась молодежь.

Мы уже все спали на печке. Миша пришел с «улицы», разделся в темноте и лег на кровать. Я проснулась от его голоса. Он кричал:

«Таиска! Таиска!»

Потом опять:

«Замолчи, Таиска, а то сейчас как дам тебе!»

Небольшая тишина и снова громкий голос Миши:

«Да прекратишь ты наконец? Сейчас вот возьму ремень и врежу тебе, потом не так заревешь.»

Я ничего не поняла, потому что сестра Таиска лежала рядом со мной. Потом я накрылась с головой одеялом, мне ничего не стало слышно и я уснула.

Утром Миша рассказал, что только он лег спать, как сразу в рогачах услышал девичий плач. Ему показалось, что это голос сестры Таисы. Он ее окликнул. Плач усилился. Он пытался остановить, но плач перешел в рыдания, стоны. Зачем начались причитания. Он понял, что это голос не Таиски. Испугался, накрыл голову подушкой, чтобы не было слышно плача, и уснул.

Таиса умерла скоропостижно в 1949 году на двадцать втором году жизни, когда Миша был в армии.

Экзамен по химии

Это было значительно после войны. Мы жили в деревне с названием Красный Яр Саратовской области.

Простая деревенская изба «четырёхстенка», принадлежавшая до войны немцам с Поволжья. В горнице в переднем правом углу кровать, отгороженная от остальной части комнаты ситцевой занавеской. На этой кровати спали родители. Я заканчивал 10-й класс, и завтра мне предстояло сдавать экзамен по химии.

Родители легли спать, а я сидела и повторяла по билетам химию. Осталось немного повторить, хотелось бы все закончить. Но тут послышался громкий разговор отца с матерью. Днём им некогда было общаться, поэтому у них вошла в привычку подолгу заниматься воспоминаниями, когда ложились спать.

Разговор родителей отвлек меня от занятий, и я решила тоже ложиться спать, а утром встать пораньше и закончить повторение.

И только легла, ещё не успела уснуть, вдруг кто-то берёт одеяло за край, где ноги, и тащит его с меня. Я надвинула одеяло на себя – снова стаскивает, на этот раз больше. Я опять накрылась – все повторилось. Решила, что это отец. Он у нас любил пошутить. А когда я стала подростком – играть со мной. Но только играть не умел. Бросит в меня на огороде камешками, а сам прячется за подсолнухами.

Я встала – никого нет. Ложусь опять. Смотрю, кто-то тяжёлый сел на ноги. Сначала на ступни, затем выше, на колени. Очень тяжёлый. Но уже навалился на грудь, а потом и на шею.

Я испугалась и начала кричать. Потом захрипела. Он передразнил мое хрипение и засмеялся. И начал выкрикивать: «Хи-хи-хи» и насмешничать. Я опять закричала:

- Мама, мама! Меня кто-то душит.

Мама услышала, но не подошла ко мне, а только сказала:

- А ты спроси у него: «К худу или к добру?»

Но я не спросила: он меня оставил.

И хотя я боялась, что он опять придет, но все же уснула. А утром настолько была под впечатлением, что забыла от страха про экзамен, почему – то решила, что сдавать завтра. Учительница прислала за мной девочек. Сдать экзамен я смогла, но только на четверку, так как мысли все время путались. А раньше по химии у меня были только одни пятерки.

Хозяин пришел

Тетя Женя вышла замуж за брата моего папы и стала жить от родителей на расстоянии 5 км.

Однажды муж уехал по работе на несколько дней, и она решила навестить своих родных. День был жаркий и сухой. Она вошла в сенцы и увидела на чердаке своего отца. Он перекладывал кирпичи около дымохода. Она поздоровалась, но он не ответил.

«Увлекся своей работой и не ответил»,- подумала тетя Женя и вошла в дом.

В горнице за столом сидел отец и курил. В этой же светлой ситцевой рубахе и в своих обычных брюках, в чем она его видела на чердаке.

- Папа, ты дома? – удивилась она,- Я же только сейчас видела тебя на чердаке.

- Я сегодня на чердак не лазил,-ответил отец.- Может быть, еще кто к нам забрался и ты огляделась, дочка.

- Нет, я тебя ни с кем не спутаю.

- Значит, хозяин пришел,- сказала мать,- и утром опять потолок будет мокрый.

- Но дождя не ожидается, на небе ни облачка, - снова удивилась тетя Женя.

- Дождь здесь не при чем, хозяин обос...т. Он всегда так делает.

И действительно: утром увидели, что часть потолка над кроватью , на которой спали родители, мокрая.

Иваныч

Мать с отцом были помолвлены, или, как называют в деревне, просватаны. Мать жила в большом селе с церковью, а отец в маленькой деревушке. Вечерами отец приходил к матери, они шли вдвоем за околицу и подолгу гуляли в поле. На лугу, около речки.

И вот, как-то раз, влюбленная пара, наслаждаясь своим счастьем, все не решалась расходиться. А время уже затянулось за полночь.

Вдруг неожиданно они увидели совсем близко от себя светло-серую лошадь и верхом на ней всадника.

- Иваныч скачет,- сказал отец.

Всадник поравнялся с ними, слегка придержал коня, посмотрел на них каким-то диким взглядом и пустил коня дальше в галоп.

- Кто это? – спросила мама.

- Сатана ищет себе развлечения. В деревнях, где нет церквей, это обычное явление. Особенно зимой в метель они не только озоруют, но и много вреда приносят. Путников отводят подальше от дороги. А ежели кто на лошади, они под видом обычного мужика прыгают в сани, отбирают вожжи, уводят лошадь далеко и оставляют. Испуганная лошадь не может потом сама найти дорогу, а мужик тем более, и оба замерзают.

- Как страшно,- сказала мама.

- А мы к этому привыкли: и доможил иногда пугает, и сатана озорует. Молиться надо больше, и ничего плохого не будет.

Мой сон

Это было всего несколько лет тому назад. Я жила в Богородицке в этой квартире, что и сейчас. От второго мужа родила дочку. Она выросла, выучилась на медфельдшера, мой муж был членом коммунистической партии, работал начальником ОБХСС.

Но муж умер, и каждую ночь ко мне стала приходить покойница-мать, и всегда недовольная. Сон это или действительность – понять не могла. Я сходила в церковь, заказала помины и по матери и по мужу, но она продолжала приходить. И все ходила и ходила за мной, куда я, туда сзади и она. И я догадалась: моя дочь была некрещеная. Уговорила ее сделать все, что положено, сама помогла ей.

- И мать по ночам сразу же приходить перестала.

В книге и наяву

Мы живем в РОСе, первый дом от остановки, квартира двухкомнатная на четвертом этаже. То, о чем я хочу рассказать, произошло несколько лет тому назад. В это время нас в квартире оставалось трое. Я спала в маленькой комнате на кровати, а в большой на диванах – дочь Лена и ее сын Игорь.

Однажды мы с Леной купили на базаре у мужчины «с рук» за 1000 рублей две книги «Ветхий завет» и «Новый Завет».

Наступил вечер. Поужинали, и дочь с внуком легли спать, а я пошла на кухню и начала читать «Ветхий завет». Все переживала за евреев. Да так увлеклась, так расчувствовалась, что потеряла счет всякому времени. Опомнилась, посмотрела на часы: было уже без двадцати минут два.

Я потихоньку прошла в свою комнату. И пока раздевалась, мысли о трудностях евреев не покидали меня. Легла, повернулась на спину вытянула ноги, расслабилась. И такое приятное состояние покоя охватило меня.

Вдруг кто-то очень тяжелый навалился (или сел) на концы моих ног. Я попыталась пошевелить пальцами – не получилось. А этот кто-то поднялся по ногам выше, и я почувствовала тяжесть уже около коленей. Потом еще выше и уже стало давить на грудь. Хотела закричать, но могла бы разбудить и напугать родных, поэтому сдержалась.

Я поняла. Что сейчас он будет меня душить. Тогда сблизил ладони обеих рук и сделала попытку сбросить его с себя. И у меня вдруг появилось какое-то непонятное ощущение: с одной стороны, рукам очень тяжело и силы не хватит, чтобы сдвинуть, а с другой стороны, я ничего не чувствовала, никакого предмета или существа, а только воздушное пространство.

Сделала еще несколько попыток и, наконец, немного сдвинула. Но он, очевидно, попал в пододеяльник и запутался в нем, стал икать выход и не находил. Пододеяльник белый, и мне хорошо было видно, что он то здесь, то там поднимается и опускается. И когда понимается, в этом месте ощущаю тяжесть, а когда опускается, то снова становится легко.

Но вдруг об пол что-то шлепнулось – и все тело почувствовало облегчение. Я быстро включила торшер, однако в комнате никого не было.

Брат

Умер брат. В день его смерти я получила от него письмо, по содержанию поняла, что оно последнее. Я расстроилась, плохо себя чувствовала, и поехать на похороны не смогла, а тем более, что не так давно похоронила своего мужа.

Прошло некоторое время, но сорока дней еще не было. Я сидела в зале на диване, рядом на маленьком диванчике спал внук Игорь, а дочь Лена спала в спальне на кровати.

Я долго, не отрываясь от книги, читала «Евангелие», легла уже поздно и быстро уснула.

Вдруг кто-то меня разбудил. Я облокотилась на подушку. Передо мной стояла темная фигура очень высокого роста, как мне показалось, почти до потолка.

«Кто это?» - спросила я.

Молчание... Я повторила вопрос. После второго раза фигура качнулась и двинулась, как бы поплыла в сторону двери и сделалась невидимой.

А утром Лена сказала, что кто-то подходил к ее кровати, скрипнул половицей. А потом от окна направился в залу (дословно).

Думаю, что это был брат, только в другом обличье.

«Жил да был...»

Кот, а может быть, и кошка, но только не «черный за углом», а очень темно-коричневый, неестественно для животных цвета. И где он жил (или она), тоже остается загадкой. Но вот эти истории я хочу рассказать. Они удивительны и непонятны, однако действительно произошли.

Днем лежу я на кровати, но не сплю. Вдруг огромная кошка тянется ко мне около ног. Шерсть гладкая, темно-коричневая. Я крикнула – она исчезла, но не убежала. А сделалась невидимой.

Другой раз это было в ночь под Рождество. Я сидела в кресле и смотрела по телевизору службу из храма Христа – Спасителя в Москве. Время зашло за полночное. Свет в комнате приглушенный. Я вся была погружена в слова молитв и диктора, пение хора. На душе умиление, чувство особой радости.

Вдруг ко мне на колени прыгнул громадный и очень тяжелый кот. С виду напоминавший ту кошку. Немного потоптался и улегся. Я попыталась его скинуть, но мне это удалось с трудом.

Однако кот еще раз прыгнул мне на колени. Я закричала на него, он спрыгнул и исчез из виду.

Откуда он взялся – не знаю. В нашем доме таких нет. К тому же я живу на четвертом этаже, двери и окна всегда закрыты, а тем более зимой. Уйти он тоже не мог. И как он стал невидимым?

Я потом расспрашивала соседей: никто и никогда такого кота не видел.

Святое место

Мы жили в маленькой деревеньке Суходольского сельского совета. Рядом с деревней протекала небольшая речка с очень высокими берегами. Сейчас нашей деревни нет и речка заметно обмелела.

Шел декабрь 1941 года. Папу пока еще на фронт не взяли. Все поселения в округе были оккупированы фашистами, и только к нам фашисты не пришли. Конечно, они пытались захватить и нашу деревню, но даже мотоциклисты не смогли подняться на крутые берега нашей речки.

И вот началось наступление Красной Армии. В Богородицком и других ближайших районах шли тяжелые бои; но наши войска освобождали поселения одно за другим. Фашисты сдавались нелегко, при своем отступлении взрывали добротные дома и сжигали избы мирных жителей.

Начался обстрел и нашей деревни из каких-то дальнобойных орудий. Я тогда была маленькая и не все понимала. Помню. Что отец посадил нас в подвал, а сам отправился в правление колхоза. Он хотел раскидать дом по бревнышку, чтобы немцы его не сожгли, а после, когда фашисты будут далеко, собрать его. А нас пока эвакуировать.

Но близко от подвала разорвался крупный снаряд и обрушил кровлю подвала. Мы перешли к соседям в большой дом. Там собрались бабушки. Они все принесли с собой иконы и молились.

Отец вернулся на лошади. Но тут подошла соседка.

- Не раскидывай дом и не уезжай никуда,- сказала она ему,- Нашу деревню немцы жечь не будут.

- Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил отец.

- Я правду тебе говорю. Если не веришь, то делай как хочешь,- обиженно ответила соседка,- Но только я сейчас лежала на конике (коник – скамья в крестьянской избе в виде ящика с крышкой); вдруг в избу зашел незнакомый старичок, а одет как на иконе. И он говорит мне: «Не уходите никуда, вашу деревню немцы жечь не будут, потому что у вас здесь святое место,» И ушел. Я сразу вскочила и вышла вслед за ним, а его нигде нет.

Папа поверил ей, и мы никуда не уехали. Бомбежка и обстрелы усилились, но разбили только кузницу и пустой коровник. А все дома остались целы и все люди живы.

А утром подростки поймали немца, у которого в карманах оказалось много спичек. На допросе он признался, что его немцы послали жечь нашу деревню, но он испугался бомбежки и обстрелов и спрятался возле речки в кустах.

Может быть, и правда наше место святое.

Третий не лишний

В нашей большой семье я была предпоследняя, а последний мой братишка Виктор. Деревенька наша небольшая, и девчат в ней больше, чем мальчишек. Но с детства я подружилась со своим ровесником по имени Николай. Вместе ходили в школу за 7 км, вместе играли, а подросли – помогали друг другу в разных делах. И я гордилась этой дружбой. Часто с нами был и мой братишка Виктор, но нам он не казался третьим лишним, так как мы с Николаем относились друг к другу, как брат и сестра.

На деревне нас называли женихом и невестой, но мы не обижались, потому что считали, что это так и есть. И когда я провожала Николая в армию, то обещала, что буду его ждать, и мы с ним впервые поцеловались.

Но вот к нам на шахты стали приезжать новые люди, среди них было много отслуживших армию парней. Я познакомилась с Анатолием. Это высокий, красивый, добродушный парень. С ним было совсем не так, как с Николаем. И загорелось мое сердечко: я впервые поняла, какая она, настоящая любовь. Не сдержала слово, данное Николаю, и вышла замуж за Анатолия. Кто из деревенских сообщил об этом Николаю, не знаю, но в письме ко мне вдруг написал о своей любви, не упрекал, но просил бросить Анатолия и ждать его.

Мы жили вдвоем с Анатолием в выделенной для него комнате в бараке. Мужа моего перевели на шахте на другую должность, и он стал работать посменно.

В первую ночь, когда я осталась одна, вдруг ровно в полночь около моей кровати оказался Николай. Я очень испугалась, ведь ему оставалось служить с полгода. Что ему надо и что он хочет сделать со мной?

Но он стал меня обнимать, прижимать к себе, говорить ласковые слова, но ничего большего не допускал. И это продолжалось до рассвета. А утром он исчез. Анатолию рассказать я побоялась.

С тех пор каждый раз, как Анатолий работал в ночь, ко мне приходил Николай. Но что странно, при свете уличного фонаря я видела, что он прижимается ко мне, и даже вроде бы крепко, но совсем не ощущала его прикосновений. Как будто это было какое-то воздушное существо. И никаких других чувств, кроме боязни, он во мне не вызывал. Я стала просить брата Виктора, чтобы он ночевал у меня. При нем Николай ко мне не приходил.

Через некоторое время Виктор рассказал все Анатолию, но тот сначала не придавал этому серьезного значения, думал, что это сон. Но потом все же поверил.

Мы переехали в город, и Николай ко мне ходить перестал. А вскоре вернулся из армии настоящий Николай, но ненадолго: уехал куда-то в Сибирь, и больше я его никогда не видела.

В фашистской могиле

Перед началом фашистской оккупации и во время нее мы жили в городе Богородицке на улице Базарной, ныне Интернациональной, как раз напротив Успенской церкви. Дом был двухквартирный.

Дедушка работал церковным и кладбищенским сторожем. Богослужения не было, церковь с конца тридцатых годов считалась закрытой. Оно и действительно было так: на двери храма висел большой замок, а единственный ключ от него всегда находился только у дедушки. И во время оккупации церковь тоже была закрыта. Немцы ее не использовали и даже близко от нее не жили: они боялись, что на кладбище и в склепах прячутся партизаны.

Перед отступлением немцев мы, как и все богородчане, убежали в Новопокровку. А когда вернулись, увидели, что наш дом сгорел. Но дедушка с нами не убежал, он заперся с коровой в храме.

В том месте, где сейчас пассажирское автотранспортное предприятие, была глубокая землянка, и дедушка повел нас туда. Но землянка оказалась битком набита трупами немцев, а рядом с землянкой лежали наши убитые солдаты. Конечно впечатление было ужасное.

Потом приехали наши солдаты, своих похоронили с почестями, а трупы фашистов увезли и похоронили в шахтерских садах. А мы много лет жили в землянке, которая первоначально была фашистской братской могилой.

И даже после войны ночью нередко я просыпалась оттого, что меня кто-то будил. Я открывала глаза и видела немцев, окровавленных, ужасных, они требовали освободить их дом.

Уверена, что это был не сон. И я очень боялась.

В Успенском храме

Хочу также рассказать об одном непонятном случае, который произошел в конце войны. Храм для верующих еще не был открыт, и мы, дети, в нем играли.

Однажды мы с подругами играли в кукол. А какие там были куклы? Самодельные, тряпочные.

Мы сидели на порожках на амвоне, возле алтаря. Вдруг в храме раздался громкий детский плач. Мы испугались, потому что кроме нас, в церкви никого не было. Схватили кукол и скорее убежали.

Взрослые сказали, что это мог быть филин. Но я потом много раз слышала крики филина. Нет, он совсем не так кричит, а это был настоящий ребенок.

С этих пор мы больше в церкви не играли.

Порча

Был я молод и удал. Никакой работы не боялся. За что ни возьмусь, все получалось быстро и ловко. И любая тяжесть по плечу мне была.

А потом женился. И жена попалась работящая. Срубили мы себе дом как раз напротив материнных окон. Обзавелись хозяйством: содержали корову, поросят, кур, кроликов. И на огороде все у нас росло. Жили, по деревенским понятиям, в полном достатке, своего вполне хватало.

И вдруг ни с того, ни с сего начал я сохнуть. И куда моя сила девалась, не пойму. Слабею с каждым днем. Уже голова кружиться стала, ничего делать не могу. А потом и вовсе слег.

Приходил ко мне наш лекарь деревенский, но откровенно сказал, что не знает, чем помочь. Приводили и доктора из города, он и слушал трубочкой, и что-то измерял, считал.

- Не пойму, - сказал, - вроде все нормально, а почему сохнешь, не знаю.

Так и уехал, и тоже ничем не помог.

И вот я лежу однажды, смерти дожидаясь. Открываю глаза – а в комнате сидит какая-то незнакомая старуха.

«Знать, это смерть за мной пришла», - решил я.

А она подходит к моей кровати и спрашивает:

- Что с тобой? Уж больно худ ты.

- Умираю, а от чего, никто не знает, - отвечаю я.

- Это порча, - говорит старуха, - рано тебе умирать, молодой еще.

Подняла она ногу мной руки, а что дальше делала, ничего не помню, словно затмение какое на меня нашло. Опомнился, смотрю, а старухи нигде нет.

А мать в это время как раз около окна сидела и в окно глядела. И говорит, что никого не видела, никто ко мне не приходил и не уходил.

На другой день вскочил я с кровати, взял кошелку и пошел за мякиной для скота. Жена и мать испугались за меня, а я хоть бы что. А вскоре и совсем стал здоровый.

Гармонист

Друг у меня, Санька, был. Да вы и сами его хорошо знаете. Он самый лучший гармонист на деревне. Он и сейчас там, в деревне, живет. И, говорят, что и теперь с гармошкой никогда не расстается. А бывало, по целой ночи без усталости играл. И на все гулянки, и на все праздники его всегда приглашали.

Пригласили его как-то в соседнюю деревню на какое-то торжество. Это примерно за три версты от нас, а, может и немного больше.

Уже к полночи время приближалось, когда домой он отправился. Идет, а сам знай себе на гармошке наяривает.

Вдруг догоняет его подвода. Лошадь светло-серая, такая ухоженная. И мужик один на телеге сидит. Остановил лошадь.

- Садись,- говорит,- подвезу!

А почему бы и нет? Сел Санек на телегу, спустил ноги, взял гармонь и опять заиграл, да так, что на много верст слышно было.

Вот едут они все и едут. Долго ехали. Гармонист так увлекся, что ни сразу понял, что уже рассветать начало. Опомнился, да как крикнет:

- Господи! Куда же мы так долго едем?

И вдруг видит, что сидит он на краю пропасти. А вокруг никого. Ни лошади, ни мужика. Далеко все видно, а никого нет.

«Где это я?» - подумал он и пошел наугад.

Совсем немного прошел и неожиданно увидел совсем близко свою деревню. Долго потом он не мог опомниться от того, что с ним произошло.

Колдунья

Жила у нас в деревне бабка Василиса. Одинокая была, но с виду такая же бабка, как и все другие. И скотину кое-какую водила, и на огороде что-то выращивала.

Я бы внимания на нее никогда не обратил, но почему-то на деревне все ее называли колдуньей. А что она и кого заколдовала – никто никогда не рассказывал.

И пусть старики думают, что хотят. А мы - то с Саньком молодые. Мы не верим в эти стариковские побасенки.

Но вот идем однажды с ним поздно вечером домой. Мы через два дома жили друг от друга. И повстречалась нам на дороге свинья. Хотели ее обойти, а она к нашим ногам все приближается, мешает идти. Мы ее отпихиваем, а она опять лезет к нам и все хрюкает.

До того надоела, что Санек не выдержал, достал из кармана свой маленький перочинный ножичек и саданул свинью по уху. Свинья завизжала и отбежала.

На другой день встречаем мы бабку Василису, а у нее голова завязана как раз через ухо.

И поняли мы, что прав народ: бабка-то действительно оказывается колдунья.

Трудовик

Во время войны я жила в деревне Волхоновка, Товарковского района. Деревенька небольшая, но была признана удобным местом для возведения оборонительных сооружений при нашествии фашистских войск.

К нам прислали людей из других деревень, чтобы они рыли окопы и начали делать доты, потому их у нас прозвали трудовиками. Жили они в деревне на частных квартирах. Конечно, помогали и местные, но своих было мало.

Однако фашисты в Волхоновке не останавливались, и никакой стрельбы ни с чьей стороны не было. Поэтому то, что сделали трудовики, оказалось – просто напрасный труд.

Когда наша конница гнала фашистов из ближайших деревень, то дороги были обледеневшими, лошади скользили и отстали от фашистской техники. А фашисты успевала поджигать деревни, а потом садиться на машины и уезжать. Заглянули по пути и в нашу деревню, подожгли все дома и отправились дальше.

Но у нас произошел интересный случай. УК старенькой бабушки жили трудовики. И когда немцы начали жечь дома, один трудовик снял со стены икону и обошел с ней трижды вокруг дома, читая молитвы.

Немец приблизился к этому дому и поджег его. Отошел, оглянулся, а огонь погас. Он поджег дом еще раз, также потом оглянулся на огонь, а тот опять погас. Фашист сделал третью попытку поджечь этот дом, но все безрезультатно.

Немцы уже все сидели на машине и не стали больше дожидаться, когда он закончит свое варварское дело, уехали. А его оставили. Так он попал в руки наших кавалеристов.

А жители все вернулись и собрались в этом единственном уцелевшем доме.

Удивительная встреча

Все-таки замечательная штука – наша жизнь! Сколько удивительного, необычного, подчас не поддающегося никаким рациональным объяснениям происходит в ней! Остается только поражаться и воспринимать происходящее как данность. Вот я и хочу рассказать вам одну происшедшую со мной историю.

Я очень люблю русскую литературу, неплохо знакома с ней. И тем большею радостью восприняла начавшееся после «перестройки» в нашей стране издание книг русских писателей – эмигрантов.

Конечно, Пушкина и кое-кого из других мы знали. Но вот с творчеством И.С. Шмелева, замечательного русского писателя, патриота, влюбленного в родную землю, мы не были знакомы. Его чудесные книги «Лето Господне», «Богомолье», «Няня из Москвы» и многие другие буквально ошеломили нас.

И.С. Шмелев жил в эмиграции в Париже, был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа рядом со своей женой. Но он всегда хотел лежать в русской земле. И вот в начале 2000 года состоялось перезахоронение его и его жены в Москве, в Донском монастыре, где лежат все их родные.

Стоит ли говорить, как хотелось побывать в на его могиле, поклониться его праху?!

И вот я в Москве, в Донском монастыре. Жаркий полдень. Тишина. Ни души. Друзья мне до этого объяснили, как найти дорогую могилу.

Иду, а найти не могу. Что делать? Оборачиваюсь – сзади меня стоит невысокий мужчина, седой, пожилой, с усталым лицом. А надо сказать, что на этом небольшом кладбище, где в основном «спит» русское дворянство, все прекрасно видно; это только памятники, кресты, кое-где деревья и кусты.

Я умоляюще смотрю на него и произношу только одно слово: «Шмелев». Он молча поднимает руку и показывает мне направо от дорожки, на которой мы встретились. И я вижу, да, вот она, могила! Православный крест, цветы, цветы... Я тут же оборачиваюсь поблагодарить его – сзади никого нет! И нигде нет!

Я заметалась, спрятаться там абсолютно негде. Почти рядом кладбищенская стена, а вокруг кресты, да старинные надгробные плиты... Я быстро пошла в храм, находящийся на территории монастыря. Никого. Купила свечи, поставила за упокоение раба Божьего Ивана и рабы Божьей Ольги. Постояла – и побрела за ворота монастыря. Светило солнце. Я шла по родному для И.С. Шмелева Замоскворечью и долго не могла вернуться в реальность.

А на дорогой могиле осталась лежать охапка ромашек, положенных мною...

Когда я вспоминаю эту удивительную встречу, несколько не сомневаюсь, что сам Иван Сергеевич Шмелев пришел мне на помощь, ведь этот человек знает, как я люблю его творчество.

На железнодорожной станции

Ольга Константиновна Савельева – коренная богородчанка. Ее детство прошло в так называемом тогда сельце Богородицком (сейчас улица Спортивная). После замужества она жила недалеко от нас на улице Коммунаров, поэтому я знаю ее давно, но близко познакомились в 70-ых годах, когда я работала преподавателем совхоза-техникума, а она агрономом учхоза. Сейчас ей 93 года, но этот случай она рассказала мне несколько лет тому назад. Пишу ее словами.

Я училась в городе Мичуринске Тамбовской области в плодоовощном техникуме. Окончила его в 1946 году, и меня послали работать в Рязанскую область агрономом колхоза. Но через год я оттуда убежала.

И такой со мной произошел случай.

Добраться до Богородицка я могла только поездом по железной дороге. Никаких автобусов тогда еще и в помине не было. Приходилось сначала от Рязани добраться до Узловой, пересест на другой поезд и им добраться до Богородицка.

До Рязани я добралась где попуткой, где пешком. Подбегаю к железной дороге. Вещи тяжелые, я устала, запыхалась, иду с трудом.

Вдруг откуда-то подходит ко мне старичок. Я смотрю на него, на его одежду: а это Николай Угодник. Точь –в-точь как на иконе. И говорит мне:

- Не так ты идешь.

Я заволновалась:

- Ох, ох, не так иду.

А он махнул рукой, показывает:

- Вон туда надо.

Я оглянулась в эту сторону, вижу, поезд стоит на Узловую; повернулась назад, чтобы поблагодарить старичка, а его нигде нет.

Подхожу к вагону: там стоит девушка-проводница, молоденькая, одета во все белое, и волосы совсем белые. Я посмотрела на другие вагоны: там проводницы в синих форменных платьях, а она одна в белом, и молчит.

Я залезла, бросила прямо в вагоне вещи и легла на них. А девушка молчит. Потом посмотрела, а ее нигде нет.

Так я и доехала до Узловой без билета, а оттуда в Богородицк.

И поступила работать агрономом в Александринский совхоз, где проработала тридцать лет.

Доброжелатель

Ко мне пришла хорошая знакомая.

- Я слышала, что вы собираете разные необычные явления, происходящие с людьми. Зачем это вам?

- Хочу вставить в свою новую книгу.

- Да, это сейчас модно. Я по телевизору люблю смотреть. Много необычного показывают. Я кое-что запомнила, могу рассказать.

- Нет, это мне не надо. Я записываю только то, что происходило с людьми, проживающими в нашем городе. Лучше повтори еще раз истории, которые я от тебя уже неоднократно слышала, но не записала.

- Про голоса?

- Да, и другое тоже.

- Голос я в своей жизни три раза слышала, мужской, приятный.

- Вот об этом и расскажи.

- Я была еще девушкой, училась в 9 классе. А на танцы мы ходили на «пяточок». Так молодежь называла тогда танцплощадку, которая была недалеко от бараков. И один раз мне пришлось идти домой одной поздно вечером через парк. Я очень боялась. Подхожу к парку и вдруг слышу, что кто-то совсем рядом назвал меня по имени, смотрю вокруг, но никого нигде нет. Но мне уже не было страшно, так как я поняла, что кто-то невидимый меня охраняет.

- Ты мне еще говорила, - напомнила я, - тебе бабушка сказала, что тебя охранял ангел.

- А я и теперь в это верю. А еще не так давно, в прошлом году, мне надо было ехать утром в Тулу, а будильник сломался. Пронадеялась, что проснусь сама. Но какой-то хороший сон снился и, конечно, я проспала бы. Только слышу, прямо совсем около подушки мне кто-то сказал: «Вставай, а то опоздаешь.» Я открыла глаза, но никого нет. Но голос был очень даже ясный и добрый.

- Третий раз, это, когда к тебе Паша ходил? – напомнила я.

- Да, я надеялась, что у нас все серьезно. И как глупая влюбилась в него.

- Ну, почему ты так говоришь? Разве влюбляются только глупые? Каждая женщина мечтает быть любимой.

- Но он приходил всегда только вечером. Мы вместе ужинали и спали. А утром он уходил. Временами был ласков, а иногда почти жесток. Но я ему все прощала, потому что хотела иметь семью. И на этот раз Паша тоже старался казаться любящим, но я чувствовала какой-то холодок. Он спал с краю и уже храпел, а я не могла уснуть.

Вдруг слышу от стены раздался голос: «Он женится». И потом еще раз эти же слова. А утром после завтрака Паша вдруг сказал: «Больше я к тебе не приду, я женюсь.»

- Ну что же, верно,- сказала я,- И от других я слышала, что невидимые доброжелатели подавали голоса и оказывали помощь. Меня тоже однажды разбудил мужской голос, а другой раз кто-то толкал, когда я очень утомленная так крепко спала, что не слышала звонка будильника.

Поздней осенью

Эту историю рассказала мне женщина по имени Раиса. По отчеству ее никогда никто не называет, поэтому и я его не знаю. Проживает она на территории техникума.

Я работала в Иевлеве в столовой, а жила в городе в Западном микрорайоне.

Однажды поздней осенью часов в семь вечера я возвращалась домой. В руке несла полный пакет. Было еще относительно светло, но сумерки уже начинали сгущаться.

Меня догнала незнакомая женщина тоже с полным пакетом в руках.

- Я боюсь здесь ходить одна,- сказала она,- Вдвоем веселее.

Мы вышли за околицу села и шли дальше пустырем. Вокруг на большое расстояние не было ни деревца, ни кусточка.

Вдруг откуда ни возьмись, как будто выскочил из под земли и побежал к нам навстречу громадный черный волк. Я даже не представляла, что бывают такие большие волки, к тому же черные. Глаза огромные, красные и блестят.

А он бежал и кричал женским, но очень грубым голосом:

- Ма-ма! Ма-ма! Ма-ма!

Женщина с испугу остановилась и выронила из руки свою ношу.

А волк уже приближался к нам.

- «Отче наш» знаешь? – спросила я женщину.

- Да, знаю, - кивнула она.

- Читай!- приказала я ей, и сама начала читать, но запуталась.

Женщина тоже сначала с испугу путала, но потом у нее начало получаться.

Волк остановился совсем близко от нас и вдруг превратился в туман. И только женщина дочитала до конца молитву, этот туман рассеялся.

Не сразу мы опомнились, но, когда пришли в себя, пошли дальше.

Больше я этого волка никогда не видела.

Рука

Я себя помню с 1938 года. Нас у родителей было четверо, я самая младшая.

Мы жили в селе Товарковском, только не в самом центре, а немного подальше. В то время вокруг Товарковского поселка открывались новые шахты. А в тех шахтах, которые уже были, рабочие открывали новые шурфы. Им давали тот же номер, который был у шахты, только рядом с номером добавляли слово «бис». Поэтому у нас говорили, что мы живем на бисах.

Папа работал на шахте № 54, а мама работала рассыльной в сельсовете.

Недалеко от нас была очень красивая церковь. Названия не помню, но в честь праздника Богородицы.

А недалеко от церкви находилась богадельня. И там одна бабушка организовала для нас кружок вязания. Мы с подругами туда ходили. Нас она учила вязать береты, а кого постарше учила вязать свитера.

И вот однажды мы сидели у нее и вязали. Было тихо, спокойно и как-то даже уютно.

И вдруг неожиданно раздался страшный взрыв.

- Что это? - с испугом спросила одна из девчонок.

Никто, даже бабушка, не смог ей ответить. Мы все выбежали на улицу и смотрим: а это взорвали нашу церковь. Но с первого раза она не разрушилась.

И тут в окно, значительно выше, чем мог стоять человек, высунулась рука и все машет, машет.

- Смотрите, - сказала одна из старушек, - это она хочет нам сказать: «Спасите, помогите!»

И мы все поняли, будто кто-то просит у нас защиты. И мы заплакали, а некоторые даже стоять не могли, на землю легли. А что мы могли сделать?

А рука все машет и машет. Но теперь вроде не только сама защиты просит, а нас хочет защитить.

К нам подошел мужчина, и отогнал нас подальше от церкви. И мы видели, что рука взмахнула еще раз и словно простилась с нами.

И тут раздался взрыв еще сильнее, чем первый. И у нас на глазах церковь раскололась на большие куски.

- Богородица простилась с нами и покинула нас, - сказала одна из бабушек, живущих в богадельне.

- Да, и теперь у нас нет защиты, - добавила другая.

Мы все заплакали.

В гости

Этот эпизод из своей жизни рассказала мне бывшая заведующая Богородицким Дворцом – музеем Светлана Алексеевна Полищук.

Ей было 19 лет. Работала на заводе. Но замучил ларингит (воспаление гортани). Пришлось согласиться на удаление миндалин. Операция не такая вроде бы страшная, как ее делали в те времена, но все же нанервничалась, ела мало, и организм ослаб. По совету мамы, взяла отпуск и решила съездить к родственникам, у них отдохнуть и окрепнуть.

Родные жили в Азербайджане, недалеко от Краснодара. Поезда в то время ходили плохо, а это был 1968 год.

И на этот раз поезд ушел не по расписанию. Адрес родных в спешке она захватить забыла. Автобусная остановка находилась рядом. Светлана пошла к автобусу, но и тут не повезло: последний на станицу, где живут родные, ушел. Других рейсов в эту сторону не было.

Молодая девушка растерялась: как быть? Вечер, одна в незнакомой местности. Про гостиницу не подумала, тогда это не было принято.

Вдруг подъезжает автобус и водитель спрашивает:

- Кому на Краснодар, на дачи?»
- Мне в станицу Динскую, я доеду этим автобусом?
- Садись, до поворота довезу, а там разберешься.

Сели несколько человек, проехали какое-то расстояние и остановился.

- Я на Краснодар. Кому на Динскую выходите, вам в другую сторону,- сказал водитель.

Вышли Светлана и еще только одна женщина. А темнота, хоть глаз коли. Где она оказалась, девушка не поняла. Только какой-то неведомый страх обуял ее.

Вдруг из-за поворота, откуда-то из-за деревьев вынырнули огни фар. Женщина подняла руку – «Москвич» остановился. Светлана подошла к машине и хотела сесть в нее.

- Я с вами,- сказала она.

- Нет, отойди, я одна,- возразила женщина и быстро захлопнула дверцу машины.

Машина рванула с места и скрылась. Девушка осталась одна – одинешенька в незнакомой местности и абсолютной темноте. Она была стройненькая, худенькая, а после операции еще более похудевшая и выглядевшая как ребенок. На ней было сшитое мамой платьице до колен из полосатого азербайджанского шелка и спортивная сумочка через плечо. И больше никаких вещей.

Светлана с раннего детства панически боялась темноты. А началось это после следующего случая. Она была совсем еще маленькая и ходила в младшую группу детского сада. Однажды воспитательница вывела детей на прогулку в садик. Дети бегали, играли и разбрелись между деревьями и кустарниками. Быстро начала спускаться южная ночь. Воспитательница никак не могла собрать детей, а была она не очень молодая и довольно полная. Тогда она вывернула шубу наизнанку, мехом наружу, стала на четвереньки и зарычала, как медведь. Все дети засмеялись и побежали к ней, а маленькая Светочка со страха потеряла сознание. Девочку отвезли в больницу. Ее вылечили, но после этого она несколько лет заикалась.

И теперь она стояла одна, а рядом только кусты и сплошная темнота. Как страшно! Панический ужас охватил Светлану.

- Господи, помоги! – невольно вырвалось у девушки.

Была ли это вера в Божью помощь или крик отчаяния от безысходности, она, наверное, и сама не смогла бы ответить на этот вопрос.

И вдруг откуда – то появилась машина и остановилась около нее.

- И долго ты так будешь идти? – услышала она мужской голос, - Садись, не бойся, подвезу. Куда тебе?

Мужчина, лет тридцати, оказался веселый, разговорчивый. Всю дорогу шутил, старался развеселить девушку. Довез до определенного места.

- Мне туда, а тебе в эту сторону, дойдешь, тут совсем близко.

Светлана раскрыла сумочку.

- Сколько вам? – спросила она.

- Дашь на бутылку, рад буду.

Она подала пятирублевую купюру.

- Это много, тут на две будет.

Девушка расплатилась и пошла туда, куда указал ее спаситель. И совсем близко увидела деревенское веселье, где пели ее родственники под гитару.

Волчица

Это рассказала соседка по имени Светлана. Ее отца я хорошо знала, но дочерей ее по отчеству здесь никто не называет. Фамилия ее бабушки была Сычева, у Светланы и ее родителей – другая, но у нас, на территории сельскохозяйственного техникума, всю семью называют Сычевыми. Живут они очень бедно, подрабатывают, как могут, а также побираться или что-то стащить никогда не против. И на выпрошенные чаще матерью деньги всегда готовы «успокоить нервы» добытой порцией самогонки. Не откажется от этого и гражданский муж Светланы, а чаще именно он просьбами и угрозами посылает свою названную тещу выпрашивать у соседей деньги.

Но эту историю рассказала Светлана, когда была абсолютно трезвая. Мне все кажется неправдоподобным, но соседи поверили и даже привели подобные случаи. Пишу именно теми словами, как рассказывала Светлана.

Она была еще подростком, и целой кодлой мальчишек и девчонок, большинство из которых были старше Светланы, ходили по ночам обворовывать дачи.

И вот однажды они возвращались с добычей с дач, расположенных за третьим заводом. Ярко светила луна, но было не совсем полнолуние, а еще молодая луна или под ущерб – этого она не понимала. Вдруг к ребятам подошла молодая женщина, лет тридцати, и спросила:

- Сколько сейчас время?

У кого-то из ребят были часы, и женщине ответили. Теперь Светлана уже точно не помнит: до или после, но очень близко к полуночи.

И тут женщина на глазах у ребят стала на четвереньки и вдруг превратилась в собаку, как показалось наивной девчонке. Собака села на задние лапы, опираясь на передние, задрала морду вверх и, глядя на луну, страшно завывала. Потом немного подождала и снова завывала.

Ребята в испуге стояли, как вкопанные, боясь стронуться с места. Но собака прекратила выть, немного отдышалась и снова превратилась в женщину. Встала на ноги, посмотрела на ребят. Глаза у нее блестели, как у хищников.

И опять опустилась на четвереньки, превратилась в животное и в прежней позе повыла на луну, но немного. Никто ниоткуда ей не откликнулся и она убежала в кусты.

- Какая страшная собака,- наконец, опомнившись, сказала одна из девчонок.

- Собака? Ты что ж, ничего не поняла? – ответил самый старший из мальчишек, - Это была волчица.

Еще не старость

Людей такого возраста, когда заканчивается уже девятый десяток, называют не пожилыми, а старыми. Но она не хотела считать себя старушкой. Вставала утром рано и шла на дачу, благо недалеко от дома. Это было ее любимое место отдыха. Работала немного, больше делали ее родные. Но все же не могла видеть на грядках сорняки, они ее раздражали. Нагибалась и вырывала их с корнем.

И вроде все было хорошо.

Но однажды проснулась она по привычке рано. И почему-то не захотелось торопиться вставать. Как будто что-то удерживало.

И тут вдруг подушка сама приподнялась вместе с головой. И довольно высоко. А потом снова опустилась. Это что за такое явление? Поняла, что какая-то неведомая сила заставляет ее встать. Но не успела. Подушка еще раз поднялась, а потом и третий раз тоже.

От неожиданности голова даже немного закружилась.

Но пересилила себя, встала, наскоро попила кофе с молоком, откусила от бутерброда, но есть не захотелось, положила в сумку и пошла на дачу. Села на скамейку. Состояние какое – то неприятное, слабость.

Подошла соседка по даче, Марья.

- Ляксеевна, что с тобой? Да на тебе даже лица нету.
- Нemoжетcя что-то,- и рассказала про непонятное утреннее явление.
- Ох, да это, видать, к болезни. Сходи в церкву, свечку поставь, да и причаститься тебе надо бы.
- Да не дойду я в церковь, Марья, что-то и правда не то со мной творится.
- Иди домой, я провожу тебя.

Весь день прошел, как во сне. А ночью не спалось, все слова Марьи как будто в ушах застряли.

Села на кровать, ноги спустила. Фонарь ярко светит в окно. И вдруг видит Екатерина Алексеевна, что в темной части комнаты, около стены, стоит женщина, вся в черном. И очень высокая, почти до самого потолка.

«Аль уж и правда смерть за мной пришла?» - подумала несчастная.

Страшно стало. А что делать? Права, наверное, Марья-то.

- Уходи! Не хочу я с тобой! – закричала черной женщине.

Но та продолжала стоять и молчать.

Тогда Екатерина Алексеевна перекрестилась. И черная женщина будто вдруг растаяла.

Наутро дочь из Киреевска приехала мать проводить. Была как раз суббота, а Нина всегда по выходным приезжала. Стала ей мать рассказывать про все, что с ней произошло, разволновалась. Да как вдруг начала задыхаться, никак вздохнуть не может. Как будто что-то заткнулось там.

«Ну вот оно и все,» - успела только подумать и сделала небольшой вдох.

Но дочь не растерялась, скорее вызвала «неотложку». Приехал молодой фельдшер, сделал укол, дал назначение.

- С легкими у вас не все в порядке, надо лечь в больницу.

- Нет, не поеду я в больницу, вот дочка приехала, два дня побудет со мной, а потом, может, и легче станет.

- Ну как знаете. Подпишите здесь, что отказываетесь.

Уехал фельдшер. А одышка чуть отпустит – и опять все «по-новой», да еще сильнее душит. И слабость такая, что не только встать, но и переверачиваться с боку на бок не может. Поняла Екатерина Алексеевна, что не подняться ей больше, что это за ней приходила черная женщина.

- Приведи мне батюшку, - просит.

А дочь боится ее одну оставлять. Но тут Марья пришла, посмотрела на больную и быстро «слетала» за священником. Больная причастилась и успокоилась.

Лежит и вдруг слышит голос из стены: «Не так лечат, мышцы сердца укреплять надо». А одышка опять усилилась.

По соседству парень жил, в Москве в медицинском институте на последнем курсе учился, а здесь врачебную практику проходил. Сходила за ним Марья. Он пришел, измерил давление, посчитал пульс, послушал сердце. Потом посмотрел назначения и сказал:

- Это не от легких. Мышцы сердца укреплять надо.

И дал другое назначение, показал, какую делать зарядку.

Через две недели Екатерина Алексеевна пошла потихоньку на дачу.

Бабушка Люба

Ее отчества и фамилии я не знаю. Взрослые все ее называют просто Любой, а дети – бабушкой Любой, и в действительности ее возраст приближается к восьмидесяти. Жила она когда – то на территории сельскохозяйственного техникума вместе со своим мужем в квартире, которую дали ему. Детей у них не было.

Сначала жили дружно, а потом, как это нередко происходит и в других бездетных семьях, муж начал выпивать, и зачастую упрекать ее в бездетности. Она все терпела. Но когда спьяну стал поднимать на нее руку и гнать из дома, Люба не выдержала. А куда податься, кто тебя может согреть? И она ушла в монастырь и стала вести монашеский образ жизни.

Но это ее не радовало, покоя себе она там не обрела. Сначала с непривычки утомляли очень долгие стояния на молитвах, а потом временами случались и неприятности от окружающих. Большинство монашек было из числа недовольных жизнью, разочарованных в любви, в замужестве, или бездетных и одиноких. Между ними нередко происходили ссоры, попреки.

В монастыре не было телефона, а тем, что в дежурке, пользоваться монашкам не разрешалось. Не было также ни телевидения, ни радио, не получали они и газет, а из литературы была только духовная. Связь с внешним миром практически не существовала.

Семь лет прошло уже такой жизни у Любы в монастыре, семь тяжелых, по ее воспоминаниям, непривычных лет. И случилось, что она заболела. Инсульт – эта тяжелая болезнь одолела ее неожиданно. При монастыре была женщин – фельдшер, сама она лечить не решилась, а отправила больную в районный центр. Проведывать никто не мог, от монастыря это далеко. Лежала одна, никому не нужная.

Совсем на немного болезнь отпустила, появилась какая-то надежда. И вдруг повторный инсульт и очень сильный. Надежды на ее выздоровление у врачей уже никакой не осталось, и они позвонили в монастырь, чтобы там готовились к похоронам.

Опомнились монашки. Три дня и три ночи молились за здоровье болящей рабы божией Любови. После первых суток больная пришла в себя, после вторых – попросила поесть, а после третьих – уже встала и с небольшой поддержкой дошла до туалета.

Удивились врачи: такое чудо в их практике произошло впервые. Приехали навестить ее две монахини и рассказали, какой иконе Богородицы они молились.

Врачи выяснили, что муж Любы спился и умер. В их приватизированной квартире никто не живет, и она вернулась в Богородицк. Стала очень верующая. И, когда позволяет здоровье, ходит в храм, молится, подает записки и от тех, кто ее попросит.

Ходит без опоры, иногда даже без трости. Но только кисть правой руки все же осталась деформированной. А монахини за нее молятся, благодарят Господа и поныне.

Батюшка

Ивана Ильича Сергиева православные люди почитают, как святого целителя, ему молятся и называют Иоанном Кронштадтским. И действительно, батюшка был наделен даром чудотворения и врачевания от самых различных недугов.

Этот дивный дар прославил святого, сделал его имя известным не только по всей России, но и далеко за ее пределами. Нередко он лечил, да и теперь лечит тех, кто к нему обращается с усердными молитвами, и даже тогда, когда медицина бессильна.

Известно, например, что знаменитого художника Н.К. Рериха батюшка вылечил еще в детстве. Другой знаменитый человек, адвокат А.Ф. Кони всю жизнь вспоминал, как отец Иоанн вылечил от заикания 17-летнюю девушку, которой не могли помочь европейские светила. Замечательный случай произошел в 1901 году, когда к отцу Иоанну привели женщину, которая много лет была бесноватая. И тут же на глазах большой медицинской комиссии батюшка ее сразу вылечил. Почитал его как целителя и чудотворца известный всему миру основатель крупнейшей школы клиницистов С.П. Боткин.

Исцеление молитвами отца Иоанна получали не только православные, но и мусульмане, иудеи, а также обращавшиеся к нему из-за границы иностранцы.

Но сам отец Иоанн не искал славы. Жил, как и другие миряне, монахом не был, постился, как и все, мог и умеренно выпить, когда его приглашали и угощали. Любил он бывать и в разных малоизвестных уголках нашей страны.

Однажды он приехал в Тулу и там в разговоре с местными церковнослужителями случайно узнал, что есть в Тульской области небольшой городок с церковным названием Богородицк. Очень заинтересовало его, что представляет собой этот город, какие там храмы, какие живут люди. И он решил наш Богородицк посетить. Точная дата до меня не дошла, но это было примерно в 1906 году.

Приехал отец Иоанн рано утром, но эта новость молниеносно облетела город. Вся Богородицкая знать и простой люд направились к главному храму нашего города Троицкому собору, который находился примерно там, где сейчас памятник Екатерине. Пошел туда и мой дедушка, Рожков Иван Васильевич (ни моей мамы, не тем более меня тогда еще не было). Дедушка был очень верующий, поэтому пошел не из праздного любопытства, а помолиться.

Отец Иоанн отслужил литургию (обедню), а потом начал благословлять прихожан. Все к нему подходили по очереди, складывали руки правую на левую ладонями вверх; батюшка крестил, клал на них свою руку, и благословившийся ее целовал. Большинство известных городу людей из знати и купцы приглашали отца Иоанна пойти к ним отобедать и отдохнуть, но приезжий молчал и на приглашения не отвечал. Когда же дошла очередь до моего дедушки, он не успел еще пригласить, но отец Иоанн сам произнес:

- Вот к нему я пойду.

А дедушка наш был человек простой, не знатного рода, а приказчик (продавец мануфактуры) у своего двоюродного дяди, купца Н.В. Кобякова.

Тогда кто-то из присутствующих в храме спросил:

- А почему к нему? Он небогатый, и обед у него простой.

Но отец Иоанн на это ответил:

- Он искренне верующий и его звать так же, как и меня, Иоанн.

- Откуда вы знаете как его имя? – снова спросили его.

- Мне его господь подсказал, - ответил чудотворец.

И отец Иоанн отдыхал у наших дедушки и бабушки на улице Пушкинской в доме, позже сожженном немцами, но где и сейчас (во дворе дома № 19) до настоящего времени стоит дуб, посаженный дедушкой в 1904 году.

Медовый месяц

- Нет! Не может быть! – сестра не могла сдержать слез.

- Что случилось? – испугалась я, - Что с тобой?

- Да не со мной. Мой мальчик! Мой маленький мальчик! – только и повторяла она.

Когда сестра немного успокоилась, выяснилось следующее. Несколько дней назад ее сыну, четырехлетнему Никитке стало плохо. Его увезла «скорая», он прошел обследование и вот вердикт врачей: «Сахарный диабет».

Я, как могла, успокоила сестру, и мы пошли к лечащему врачу.

- Очень сожалею, - уставший пожилой доктор вздохнул, - но у ребенка сахарный диабет, тяжелая форма. И вам, и ему предстоит очень нелегкая жизнь, жесткая диета и несколько раз в день уколы инсулина. Есть еще ограничения, но они менее значительны. У вас в роду кто-нибудь страдал диабетом?

- Я не знаю, по-моему нет, - прошептала сестра, - а уколы инсулина нужно делать сразу? Дело в том, что мой сын очень боится уколов, всегда кричит, потом долго не может успокоиться.

- Не сразу. Сейчас организм будет приспосабливаться к новым условиям. В течение месяца можно будет корректировать сахар в крови диетой. Больные диабетом называют этот период «Медовый месяц». А потом да, к сожалению, без уколов обойтись невозможно. Здесь уже ничего не поделаешь, - доктор посмотрел на часы.

Мы поспешили поблагодарить врача и вышли из кабинета.

- Ничего, мы что-нибудь придумаем, - всю дорогу домой я пыталась успокоить сестру.

В последующие дни мы развили бурную деятельность. Звонили родным, друзьям, знакомым, консультировались у специалистов. По нашей просьбе родные обращались к специалистам в других городах. Безуспешно. Слова нашего доктора подтверждались без вариантов.

Я зашла в нашу церковь и обратилась с этим вопросом к батюшке.

- Молиться и причащаться,- ответил он и перекрестил меня.

Сестра стала обращаться к знахаркам, гадалкам. Расплывчатые советы, сомнительные рецепты – ничего конкретного.

А время неумолимо шло.

Однажды до меня дозвонилась одна наша дальняя родственница.

- Поезжайте в Ивановскую область, там, в одной деревне, есть старый храм. В нем старенький настоятель, говорят, что он просто творит чудеса,- сказала она.

И вот мы в автобусе, я и сестра. Маленький Никитка остался с мамой. Название деревни, где нас ждет последняя надежда, мы выяснили быстро. Всю долгую дорогу в голове была только одна мысль: «Только бы помогло!»

Церковь действительно была старая. Поразило, что несмотря на ранний час, в ней и около нее толпился народ. С трудом протискиваясь через толпу мы оказались недалеко от входа и смогли занять очередь. Потянулись часы ожидания. Сколько прошло времени – мы не знаем, очередь продвигалась медленно, стоять было трудно, но нами двигала надежда.

Настоятель оказался стареньким, но высоким и жилистым. Сквозь кустистые брови он строго взглянул на мою сестру и, только она начала рассказывать, перебил ее:

- Поезжай к сыну, все будет хорошо!

- Но врачи сказали, что никакой надежды нет, всю жизнь на уколах инсулина, - жалобно проговорила сестра.

- Газету «Правда» знаешь? А думаешь, все в ней правда? Поезжай! – батюшка повернулся к другой женщине.

Обратную дорогу мы ехали в каком-то оцепенении. Мы верили и боялись верить. Луч надежды теплился в каждой из нас. Вдруг получится, вдруг...

Прошел год. Чудо свершилось. Нет, совсем Никитка не выздоровел, сахар в крови у него периодически поднимался, но главное – мы обошлись без уколов инсулина, только диета. Врачи разводят руками: «Такого не бывает!»

«Медовый месяц» затянулся и мы верим, что дальше будет легче, наш мальчик станет совсем здоров и заживет полноценной жизнью.

А завтра я снова сяду на автобус и поеду туда, где свершается чудо.

Снежная королева

Эту историю рассказала мне моя бабушка.

За свою, к сожалению, не очень долгую жизнь, ей пришлось пережить много тяжелых и трудных дней, гораздо больше, чем легких и радостных. Она иногда рассказывала мне сказки, и тогда говорила, что это сказка. Но иногда она рассказывала мне о интересных и странных происшествиях в своей жизни. В это случаи она говорила, что это – правда. И я ей верю.

Это было зимой в конце 50-х годов. Моя бабушка со всей семьей жила в маленьком домике в Богородицке на улице Коммунаров. Семья была большая, дружная. Места в домике было мало, но как-то уютлись, топили печку, помогали друг другу. Для тех, кто пережил войну, голод и лишения, такая жизнь была маленьким счастьем.

Был поздний вечер. Все уже легли спать, большой свет выключили и только в кухне горела слабенькая лампочка, создавая полумрак. За окном падал небольшой снег, погода была теплая, и в оттаявшие окна было видно, как медленно кружатся крупные снежинки.

Бабушка уже собралась ложиться, как вдруг услышала скрип калитки.

«Кто это?» - подумала она и подошла к окну.

Мимо окна, в сторону входной двери, не спеша ступая, шла высокая женщина. На ней была белая шапка и белая шуба. В сторону окна она даже не взглянула, прошла дальше, и в вечерней тишине бабушка отчетливо слышала скрип снега под ее ногами.

Бабушка попыталась разглядеть ее лицо, но было уже довольно темно, и ей запомнилась только высокая прямая фигура, гордо поднятая голова и твердая, неторопливая походка. В движениях незнакомки чувствовалась властность.

«Интересно, кто она? Я ее никогда не видела. Одета богато, она точно не из нашего города» - эти мысли пронеслись в голове у бабушки.

Тут она услышала отчетливый стук в дверь. Поспешно накинув пальто, бабушка подошла к входной двери и открыла ее. За дверью никого не было...

Бабушка захлопнула дверь и вернулась в дом. Она зажгла керосиновую лампу и снова подошла к двери. Открыв ее, она еще раз убедилась, что за дверью никого нет и вышла на порог. Было тихо, медленно падали снежинки, ветра не было и огонек лампы горел ровно. Бабушка посмотрела на землю. Снег лежал ровным слоем, никаких следов на нем не было. Бабушка прошла мимо окна до калитки. Никаких следов. Калитка закрыта, улица пустынна.

Кто приходил в этот зимний вечер, зачем, что вообще это было – на эти вопросы ответ так и не был найден. Никаких происшествий, ни хороших, ни плохих, после этого случая не произошло, и он просто остался в памяти.

Сглаз

Как – то летом мы с моей маленькой дочкой решили съездить в деревню к бабушке моей жены. Ехали автобусом, не очень далеко. Деревня находилась в Веневском районе, автобусы мимо нее ходили часто. По дороге дочка много смеялась, постоянно спрашивала обо всем, мимо чего мы проезжали, так что дорога для нее прошла незаметно.

Бабушка нам очень обрадовалась. Не виделись мы давно, но за это время бабушка совсем не изменилась, такая же маленькая, сухенькая, с милым морщинистым лицом, в своем неизменном светленьком платочке.

- Как выросла! Как выросла! – то и дело всплескивала она руками, одновременно жаря блины и накрывая на стол.

Мы хорошо и очень вкусно перекусили, довольные вышли во двор. Было солнечно и жарко. Ветра почти не было, по небу лениво проплывали редкие облака.

- Пойдемте, я вам речку покажу, - предложила бабушка.

- Ура, пойдем на речку! – обрадовалась дочка и даже запрыгала.

Бабушка взяла ее за руку и они весело зашагали. Я пошел следом, с улыбкой поглядывая на довольного ребенка.

Мы шли по пыльной деревенской улице. Вокруг гуляли куры, где-то визжал поросенок. Невдалеке, дружно покрякивая, переваливалась с ноги на ногу стая уток.

Не успели мы отойти от дома подальше, как я увидел, что навстречу нам идет странная старуха. Одета она была в грязное темное платье, черный платок покрывал ее голову, из под которого торчали во все стороны седые космы. Она медленно шагала по тропинке ногами, обутыми в старые калоши. Больше всего меня поразило ее взгляд, она смотрела на все глазами, полными какой-то дикой ненависти, как будто ненавидела весь этот мир и все, что окружало ее.

- Сожми пальцы в «фигу», - сказала наша бабушка, быстро повернувшись ко мне.

Что-то такое я уже слышал, поэтому сразу выполнил то, что она сказала.

Мы подошли к черной старухе ближе, как вдруг...

- Папа, глазик, глазик,- заплакала дочка.

Я подлетел к ней, сел на корточки и увидел, как ее левый глаз начал быстро краснеть.

«Пчела?» - пронеслось у меня в голове, я обернулся к нашей бабушке и увидел, что она, схватив валявшуюся палку, подняла ее над головой и бросилась к злой старухе.

- Сейчас же прекрати, или я тебя убью,- крикнула наша бабушка и замахнулась на нее.

Такой страшной я ее никогда не видел. «Откуда в таком сухеньком тельце столько силы?» - невольно подумалось мне.

Черная старуха от неожиданности отпрянула, потом злобно фыркнула, сделала какой – то жест рукой и быстро засеменила прочь.

Я повернулся к дочери. Она уже перестала плакать, стояла с испуганными глазами и молчала. Левый глазик быстро приобрел нормальный цвет.

- Кто это была? – спросил я бабушку.

- Ведьма. – сказала она, - Ходит, людям пакостит. Детей сглаживает. Скотину портит. Много зла она принесла. Сычихой ее все зовут. Дом ей сожгли однажды, так тот, кто это сделал, через два дня умер. Она заселилась в заброшенный дом и живет здесь. Никакого сладу от нее нет. Пойдем быстрее домой, нужно скорее умыть мою правнучку святой водой.

На речку в этот день мы так и не пошли.

Смерть ведьмы

- Баб Маня, беги быстрее, Сычиха умирает! – задыхаясь, кричала почтальонша, еще не добежав до калитки, - я ей пенсию принесла, а она лежит.

Бабушка отложила в сторону чашку с кормом, из которой кормила кур и повернулась ко мне:

- Пойдешь со мной?

- А ребенка куда?

- Почтальонша посидит, ее попросим.

Пока бабушка договаривалась с почтальоншей, я строго-настрого приказал дочери слушаться тетю, быстро оделся, и мы направились к дому Сычихи.

- А почему ее прозвали Сычихой? – спросил я бабушку по дороге.

- Одинокая она, ни мужа, ни детей. На весь мир злая. Люди от нее шарахаются. Идешь, бывало, мимо ее дома, а она из окна злыми глазищами зыркает, как сыч из дупла. Вот Сычихой ее и прозвали. – в голосе бабушки послышалась грусть.

Мы подошли к старой, покосившейся избушке. У калитки уже стояло несколько человек, возбужденно переговариваясь между собой. К двери в дом никто не подходил. При виде нас, люди замолчали и посторонились, пропуская. Мы поднялись на порог и остановились у открытой двери.

Маленькая грязная коморка, тусклая лампочка под потолком, паутина, потрескавшаяся штукатурка стен.

На полу лежала грузная старуха в темном замызганном платье. Тело ее изгибалось дугой, она махала перед собой скрюченными руками с желтыми ногтями и через силу, брызгая слюной кричала: «Нате... Нате...»

Я хотел подойти к ней, попытаться помочь, но бабушка с силой остановила меня.

- Все как тогда... - как бы про себя сказала она и громко крикнула: - Никому не подходить!

Глаза старухи были открыты, она смотрела перед собой, никого не видя, и ее голос уже переходил в хрип: «Нате... Нате...», руки судорожно дергались, как бы пытаясь кого-то схватить, сжать.

Не знаю, сколько прошло времени.

Постепенно дыхание старухи замедлялось, она уже не хрипела, а шептала, руки медленно опустились, она вся как-то резко выгнулась, потом тело ее обмякло, и она замерла, только струйка слюны медленно стекала по щеке.

- Пустите, дайте пройти,- фельдшер из соседней деревни попытался протиснуться сквозь толпу.

- Пойдем, - повернулась ко мне бабушка, - больше нам здесь делать нечего.

Мы повернулись и медленно молча пошли, быстрее даже побрели, домой, потрясенные увиденным.

- Дашей ее звали, - вдруг заговорила бабушка, - «Дашутка – смешутка», так называли ее местные парни. Все в нее влюблены были. Самые веселые шутки, самый громкий смех на «вечерках» – все она. Мы с ней дружили, росли вместе, в школу в соседнюю деревню вместе ходили. Она заводилой была, весело с ней было, интересно. –

Я увидел, как по щеке бабушки медленно стекает слезинка.

- В соседней старуха жила, ведьма. Все ее боялись – продолжила моя спутница,- Идем как – то мы с Дашкой из школы мимо старухино дома, а у той дверь открыта, и как крики какие-то слышны. Я Даше говорю: «Побежали быстрее отсюда, страшно!» - а она только отмахнулась, прокралась к двери, заглянула и меня зовет. Я подошла, заглянула в дверь, а старуха лежит на кровати, руками машет и кричит: «Нате! Нате!». Тут Даша пошутить решила, лихость свою показать, подбежала к старухе, ударила ее по руке и как крикнет: «Давай!» Тут старуха успокоилась, обмякла, замерла сразу. Мы с Дашей сразу домой побежали. Но только с тех пор ее как подменили. Нелюдимая стала, ни с кем не общается, на «вечерки» ходить перестала, раздраженная стала, злая, завистливая. А потом и вовсе школу бросила и уехала куда-то, никто из родных не знал, куда. А когда родные ее умерли – вдруг снова появилась в наших местах. Только это совсем не она уже была. Ведьмой стала, Сычихой. Всех ненавидит, всем зла желает. Пробовала я с ней заговорить, она только злым глазом сверкнула, зашипела что-то, отвернулась и ушла. С тех пор так и жила, она к людям со злом, и они от нее шарахаются. Много бед причинила. Один мужик не выдержал, напился для храбрости и дом ее поджег. Дом сгорел, она в заброшенную избушку переселилась, а мужика на второй день так скрутило, что врачи не спасли. – бабушка вздохнула и перекрестилась.

Ведьму схоронили вечером. Фельдшер констатировал смерть. Мужики сколотили грубый гроб из не струганных досок, положили в чем была, могилу вырыли в самом дальнем углу кладбища. Закопали, ни цветов, ни венков, ни креста – так, голый холмик. Да еще память людская, а может радость. Кто знает...

**Из столетия в столетье
с незапамятных времен**

Содержание

Богородицк... Начало...

Часть первая

Едет к нам Екатерина

1. Мой Богородицк
2. Крепость
3. Новый век
4. Бобринский
5. Река Уперта
6. Начало положено
7. «Чудо здешних мест»
8. Пейзажный парк
9. Лучезарный город
10. Едет к нам Екатерина
11. Царский указ
12. Статус города
13. Подземный ход
14. Имя города
15. Герб Богородицка
16. Чабрец
17. При новой власти
18. Назван по храму
19. Андрей Тимофеевич Болотов
20. И снова подземный ход
21. Церерина роща теперь
22. Две жемчужины
23. Малая родина
24. С Божьим благословеньем
25. Мы верим

Часть вторая

Не вероятно, но было

Мои воспоминания

1. Кто она
2. В зимнюю ночь
3. Дедушкин брат
4. Вадим
5. «И за меня тоже...»
6. Доможил
7. Ведьма
8. Ранним утром
9. Мои друзья
10. Лекарь

Из рассказов В.Ф. Артищевой

11. За шпалами
12. Прапрабабушка Анисия
13. Грех на душу
14. Старший мужчина в доме

Из рассказов З.В. Фроловой

15. Бабушка Акулина
16. На Волге
17. Старик
18. Сестра
19. Экзамен по химии
20. Хозяин пришел
21. Иваныч
22. Мой сон
23. В книге и наяву
24. Брат
25. «Жил да был...»

Из рассказов В.С. Кузьмичевой

26. Святое место
27. Третий не лишний

Из рассказов А.Д. Теремецкой

28. В фашистской могиле
29. В Успенском храме

Из рассказов К.Г. Сорокиной

- 30. Притча**
- 31. Гармонист**
- 32. Колдунья**

Другие рассказы

- 33. Трудовик**
- 34. Удивительная встреча**
- 35. На железнодорожной станции**
- 36. Доброжелатель**
- 37. Поздней осенью**
- 38. Рука**
- 39. В гости**
- 40. Волчица**
- 41. Еще не старость**
- 42. Бабушка Люба**
- 43. Батюшка**
- 44. Медовый месяц**
- 45. Снежная королева**
- 46. Сглаз**
- 47. Смерть ведьмы**